

18+

ОЛЕГ ДАВЫДОВ

МЕСТ СИЛЫ

РУССКОЙ
РАВНИНЫ

ТОМ 3. МЕСТА СИЛЫ 61–90

Олег Давыдов
Места силы Русской Равнины.
Том 3. Места силы 61—90

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68362319
ISBN 9785005698001*

Аннотация

Всего в книге Олега Давыдова «Места силы Русской Равнины» описаны 111 мест. В Третий том вошли подробные рассказы еще о 29 местах (с 61 по 90), включая Муром, Богородицк, Новый Иерусалим, Боровск, Дивеево, Пайгарму, Ярилину плешь, Коренную пустынь, Торжок, Святые горы и другие как очевидные, так и менее очевидные, но в не меньшей степени фонтанирующие мистической силой точки, в обилии рассыпанные по России, образующие ее метафизическую структуру и определяющие ее характер и развитие. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Шестьдесят первое – Монахов ров	5
Шестьдесят второе – Муром	27
Шестьдесят третье – Бабья гора	53
Шестьдесят четвертое – Солотча	73
Шестьдесят пятое – Варнавино	97
Шестьдесят шестое – Святые горы	120
Шестьдесят седьмое – Клоп	143
Шестьдесят восьмое – Лев-Толстое	165
Шестьдесят девятое – Дунилово-Горицы	187
Конец ознакомительного фрагмента.	189

Места силы Русской Равнины Том 3. Места силы 61—90

Олег Давыдов

Дизайн и верстка Марианна Мисюк

Бильд-редактор Валентина Потолова

Редактор проекта Глеб Давыдов

© Олег Давыдов, 2022

ISBN 978-5-0056-9800-1 (т. 3)

ISBN 978-5-0056-4596-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Шестьдесят первое – Монахов ров

Осенью 1825 года власти Рославльского уезда Смоленской губернии переловили, как диких зверей, по лесам с полдюжины отшельников и посадили в острог. Продержав почти год, разослали по монастырям. То был не первый случай облав, но на сей раз дело «истребления» (так это называлось в официальных бумагах) было поставлено четко: единственный монах, решившийся вернуться после этого к отшельничеству, был Дорофей, поселившийся возле Савеева и доживший там аж до 1865 года. Дух его и поныне витает где-то поблизости от источника Слезы Богородицы.

Источник «Слезы Богородицы» около Савеева.

Сплошная нержавейка и искусственный камень. Под крестом в рамочке – подробнейший химический анализ воды

Разумеется, люди, стремящиеся жить анахоретами, существовали в России всегда (и не только в Рославльских лесах). Но после Петровских реформ такая жизнь стала практически невозможна: регулярное государство не отличало бродяг от пустынников. Тем более удивительно, что в Брянских и Рославльских лесах так долго сохранялась субкульту-

ра свободного пустынничества. Для начала уясним себе, кто такие эти отшельники, где и как, собственно, жили. Вообще, обитали они возле многих селений Рославльского уезда. Где позволяли благодетели, там и жили. Вот лишь некоторые пункты: Богданово, Савеево, Кривотынь, Межево, Остров... Но в основном все-таки концентрировались недалеко от деревни Кулешова Буда, на земле господ Броневских. Причем тут было как бы два центра: часть отшельников избрала себе местом обитания Монахов ров, поросший лесом овраг неподалеку от Буды, а часть поселилась на берегу реки Болдачевки, несколько ниже впадения в нее речки Фроловки. Между двумя этими монашескими поселениями было где-то около полутора километров.

Дорога Москва – Рославль сечет эту карту по диагонали «северо-восток – юго-запад». Рославль, разумеется, на юго-западе. Там, где поставлен крест, холмистая местность, здесь сходятся три области: Смоленская, Брянская и Калужская. Но крест поставлен не поэтому

На Болдачевке вместе со своим старцем Афанасием жили будущие преподобные Моисей и Антоний (братья Путиловы), основавшие в 1821 году знаменитый Предтеченский

скит в Оптиной пустыни (о ней я уже написал¹). Еще – Иларий и Савватий, ушедшие с Путиловыми в Оптину. Бывали и другие. Например, в 1819 году весной перед постом на Болдачевку пришел Феодосий, бывший казак, а позднее послушник Паисия Величковского. Этот Феодосий решил до Пасхи не есть вообще ничего. И выдержал. В том же году хотел повторить этот подвиг, но простудился и умер. Похоронили его недалеко от кельи, могила до революции почиталась. И сейчас на ней стоит крест.

Афанасий, глава этой общины, был пофигистом в самом возвышенном смысле этого слова. Выправив себе документ на Афон, зачем-то пришел в Белобережский монастырь (это около Брянска) и услышал там о рославльских отшельниках. Никому ничего не сказав, он встал и пошел: посмотреть. Вернулся через четыре года, извинился за отлучку, попросил перевести его в Свенский монастырь (это почти в самом Брянске), пожил там недолго и снова отправился на Болдачевку. На сей раз – на десять лет. Был момент, когда он опять возвращался в Свенский монастырь, но в июне 1818 года игумен Амвросий доносит начальству: «Иеромонах Афанасий из монастыря самовольно отлучился, и куда – неизвестно». Известно: в Рославльские леса. И прожил там уже до самого разгрома скитов. В 1826 году был доставлен в свой монастырь под конвоем.

---

¹ См. Том Второй, главу «Пятьдесят седьмое – Оптина пустынь».

Местность, в которую устремлялись монахи. Вид из космоса

Монахов ров был заселен раньше, чем Болдачовка. По-

хоже, именно он изначально притягивал к себе отшельников. Это очень сильное место. Уж не знаю, кто именно нашел и освоил его, но в 80-х годах 18-го века там жил выходец из Пловчанской пустыни (это около Севска) Адриан с учениками Иоанном, Василиском и Зосимой, в честь которого Достоевский назвал своего старца в «Братьях Карамазовых». У Адриана вышла неприятность с властями из-за местных попов, которые, видя, как к нему тянутся люди, побоялись лишиться доходов и в 1790 году донесли на него. Пришлось перейти в Петербургскую епархию, где Адриан вскоре стал настоятелем Коневецкого монастыря². За ним потянулись ученики.

Одновременно с Адрианом и после него в Монаховом рву в разное время жили ушедший на покой архимандрит Никандровой пустыни³ Геннадий со своим учеником Авраамием, а также – Иаков, Селевкий (исключенный из гвардии за то, что отрезал косу у неверной подруги), Арсений, Дорофей, Досифей, Никита, прославившийся после смерти чудесами.

Когда пытаются объяснить, почему людей тянуло в Рославльские леса, приплетают монастырскую реформу⁴ Екатерины II: монастыри, мол, закрылись, людям некуда было податься, вот и пошли в леса. Это вздор, если говорить не во-

---

² См. Том Первый, главу «Десятое – Остров Коневец».

³ См. Том Первый, главу «Двадцатое – Никандрова пустынь».

⁴ См. главу «Восемьдесят первое – Богородицкий парк».

обще, а конкретно о рославльских старцах. Никто из тех, кто отшельничал около Кулешовой Буды, не был бомжом, потерявшим место в монастыре. Наоборот: по большей части они как раз бежали из своих обителей, покидали их с риском жесткого наказания за самоволку. И шли в места силы, которых так много в верхнем течении Десны и по ее притокам.

А это опять окрестности Савеева. Источник Серафима Саровского. Он буквально в двух шагах от источника Слезы Богородицы. А вода в них разная на вкус.

Легенды рославльских мест силы фиксируются в первую очередь на разбойниках, живших на границе Руси и Литвы,

которая и теперь приблизительно там же (граница с Белоруссией). Мол, разбойники грабили путников, составляли громадные состояния, а потом где-нибудь зарывали сокровища. Знаменитый атаман Кудеяр, говорят, действовал как раз на Рославльском тракте и, конечно, где-то здесь припрятал награбленное. В это верят еще и сегодня, знают места, где надо искать (Бай-горы – на своей карте я отметил эту местность крестом). И ищут.

«Золото Рейна», «Остров сокровищ», «Бронзовая птица», «Двенадцать стульев», «Стабилизационный фонд» (последний сюжет сегодня особенно популярен в России). Мифология поиска кладов бессмертна. Ее суть: некий Кощей изъят из естественного кругооборота потоков (денежных, материальных, энергетических, всяких) какую-то часть и законсервировал. Сам, естественно, где-то рядом витает невидимым стражем. Задача кладоискателя: найти место, обезвредить стража, расколдовать, то есть – взять клад. Как это сделать? Надо исхитриться.

Это место силы в Луге. На месте креста и часовни когда-то стоял Никольский храм. Недалеко под холмом источник, на котором в 1730 году явилась икона Николы

Я уже говорил⁵: место силы само собой притягивает человека. Отпустите себя на волю где-нибудь поблизости от такого места, позвольте себе просто двигаться, идти, куда ноги несут, и вы обязательно придете туда, где фонтанирует сила. И, может быть, не захотите оттуда уйти. Ибо там так хорошо, так легко, так счастливо дышится, что – да пошло оно все в жопу... Рославльские старцы – снова они – искали благодати мест силы. Находили и там оставались. А если и отлучались куда-нибудь вольно или невольно, то старались поскорее вернуться. Ибо – место силы тянуло назад. Грубые

---

⁵ См. Том Второй, главу «Пятьдесят шестое – Тиуновское святилище».

души воспринимали воздействие такого места как знак того, что где-то здесь должен быть зарыт клад, фантазировали себе под влиянием места легенды: Кудеяр, капитан Флинт, горы золота... А души тонкие ощущают воздействие места силы непосредственно: как благодать. И, например, Серафим Саровский⁶ учил стяжать ее.

Никольский источник в Луге тщательно отделан. По круговой ограде висят полотенца. Это приношения. Есть полотенца обычные, из магазина, а есть дотканые удивительной работы. Никто их, разумеется, даже не трогает. Все знают, что может сделать Никола с теми, кто покусится на его имущество. Справа под навесом икона Чудо-

⁶ См. главу «Восьмидесятое – Дивеево».

творца. Перед ней на столике чашка с монетами, камешки, яблоки. Каждый дает, что имеет

Повторяю: найти место силы легко. Но это – только в том случае, если вы его специально не ищите. То есть – если лишь позволяете своему телу, объятому снами, идти к нему. Если же у вас есть специальная цель (например, найти клад в месте силы), то тут, пожалуй, ничего и не получится. Кладоискатели чаще всего остаются в дураках. Вот, например, что случилось с одним капитан-исправником из Рославля. Малый получил информацию, что на подведомственной ему территории анахоретствуют братья Путиловы, по паспортам – из купцов. И ему представилось, что на их счет можно очень даже недурно пожить. Моисей (Путилов) вспоминает, что исправник весь день пробродил по лесу, подходил прямо к келье, но в упор не увидел ее. Зато нашел келью Досифея в Монаховом рву и арестовал его: человека, с которого нечего взять, кроме дырявой рясы. Досифей просидел в остроге три года, всеми забытый. А исправника бог нашел сразу. То есть буквально на следующий день бедняга проиграл в карты все, что имел. Это было в самом начале 19-го века.

Монахов ров. В нем можно блуждать целый день и ничего не найти. Люди говорят, что там все время все меняется

Но и сегодня духи Рославльских лесов не хотят пускать посторонних к своим местам силы. Мне это стало ясно, когда на дороге «А 101» (Москва – Рославль) я вдруг прочитал указатель: объезд. Оказалось, что несколько дней назад как раз перед Екимовичами, куда мы направлялись, почему-то вдруг рухнул мост через Десну. И нам предлагают объезд через Брянск (лишних сколько-то сот километров). Не то чтобы я мог подумать, что мост рухнул лишь для того, чтобы я развернулся и ехал в Москву. Но в контексте поисков Монахова рва это было препятствие значимое. Оно прекрасно укладывалось в систему вождений и наваждений, которые нам предстояли.

А о том, что они предстоят, я уже знал. Ибо двумя часами ранее в Мещовском монастыре получил верный знак: во время съемки у меня вдруг без всяких причин отказала пленочная камера. Я еще посмотрел, сколько пленки осталось: 13-й кадр. И вдруг что-то трянуло, дисплей замигал, аппарат перестал реагировать на нажатия кнопок.

Будучи неисправимым рационалистом, я сразу предположил, что просто не заметил, как кончилась пленка (а 13-й кадр – просто пошлое наваждение). Но аппарат открывать опасался, поскольку: а вдруг потеряю предыдущую съемку. И вообще: в местах силы с аппаратурой иногда начинает

твориться неладное. Один пленочный аппарат я загубил, когда снимал Успенский Старицкий⁷ монастырь. И после этого начались приключения, которые неожиданно привели меня в Удомлю, городок, завязанный на Калининскую АЭС. Я рассказывал⁸, как познакомился там с православными атомщиками и пережил нечто такое, о чем до сих пор вспоминаю с содроганием.

К счастью, рославльская администрация оперативно отреагировала на обрушение моста. На ближайшей заправке нам сообщили, что уже сделан шестикилометровый объезд по плотине через Десногорск. Это меня несколько не насторожило. Первое подозрение закралось лишь, когда мы выехали на эту самую плотину. Ну, электростанция, успокаивал я себя, ничего... И только ночью, в гостинице, вырвавшись (ценой потери глушителя) из полевого бездорожья, я узнал, что Десногорск – это город Смоленской АЭС. История с Удомлей начинала подозрительно повторяться. Но я забегаю вперед.

---

⁷ См. Том Четвертый, главу «Девяносто восьмое – Старица».

⁸ См. Том Второй, главу «Тридцать седьмое – Сельцо Карельское».

Когда стоишь на земле, дорога между точками вовсе не так хорошо видна, как из космоса. Особенно, если не знаешь о ней. Поэтому вот координаты могилы Никиты в Монаховом рву: N 54 04 45; E 33 17 16. Обратите также внимание: овраги в лесных массивах выглядят здесь как некие темные риски

А сначала, объехав рухнувший мост, мы добрались до Екимовичей и оттуда уже отправились на поиски Мона-

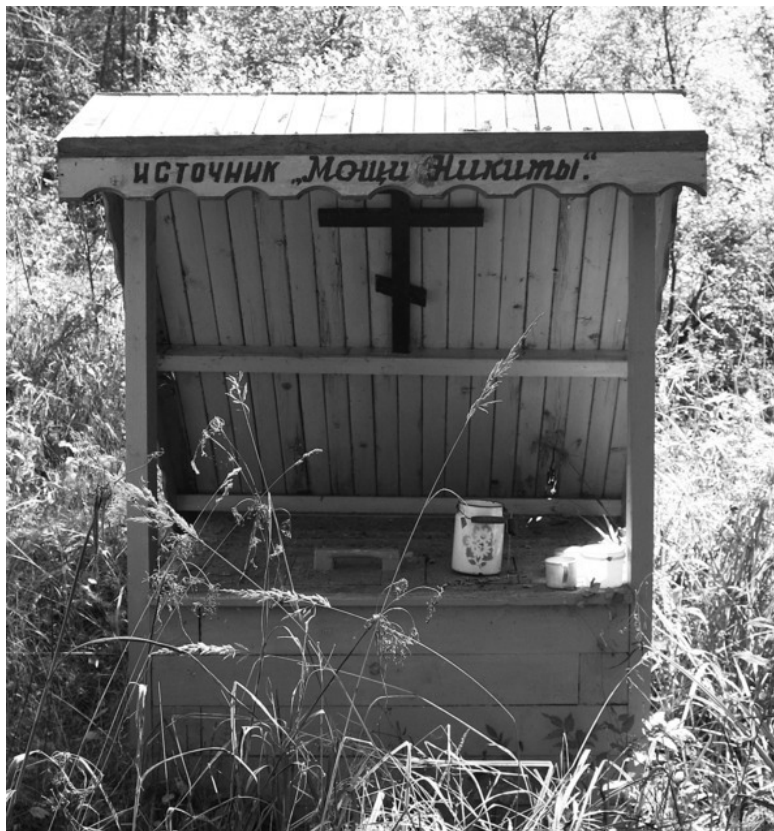
хова рва. Полевые дороги размыты, никто ничего толком не может объяснить. Уже вечереет. Вдруг табличка, прибитая к дереву на опушке: «Мощи Никиты» (именно почему-то с кавычками). Мы, конечно, обрадовались, углубились в лес и проблудили там до темна. Никакого рва не нашли. И не могли найти. Потому что табличка эта висит скорей для отвода от места силы. Всякий нормальный человек, увидев ее, должен подумать: здесь, в этом лесу. Типовая ошибка. На самом-то деле надо повернуться к лесу задом и идти через поле к неведомой точке на опушке синеющего вдали леса. Кому пришла в голову мысль поставить такой указатель? Вы не поверите: православным атомщикам, которые благоустроили место силы «Мощи Никиты». Но об этом я узнаю только на следующий день.

Надгробие Никиты. За ним внизу желтеется сруб колодца

Никита был уроженцем Орла, начинал в Белобережской пустыни. Поселился в трех километрах от нее, в уединении своем созерцал Богородицу. Однажды какая-то тварь сожгла его келью, он, помыкавшись немного в монастыре, отправился в Рославльские леса. Прожил десять лет в Монаховом рву и вернулся в Белые Берега. Но место силы тянуло обратно. Никитин ученик Досифей (тот самый, который потом просидит три года в остроге) достал где-то лошадь и приехал по перевозимку за ним. Никита хворал, но просился ехать немедленно. Вот они и отправились за двести верст по моро-

зу. Может, эта дорога и доконала Никиту. К весне (1793 года) он умер. За неимением гроба Досифей положил его в пчелиный улей и похоронил возле кельи во рву.

Это самое дно Монахова рва. Где-то здесь Досифей похоро-

ронил первоначально Никиту. К сожалению, пить из этого источника нельзя

Лет через семь после этого Досифею пришло в голову перенести тело учителя в более сухое место, а то во рву все время стояла вода. Позвал попа из Луги, окрестных пустынников. Отрыли. Улей не сгнил, тело и одежда были нетленны, только лапоть на одной ноге превратился в прах. А на второй – цел. Вспомнили, что его сплел сам Никита.

Один из отшельников в тот момент был болен (желудок), так он выпил воды прямо из улья с телом и исцелился. Никиту переложили в новый гроб и похоронили повыше на склоне рва. Через несколько лет зачем-то опять открывали. И тело опять оказалось нетленным. С тех пор местные жители уверовали в Никиту. Лет через сто было сделано каменное надгробье над его могилой, построена деревянная часовня (ее освятили в 1897 году). Каждый год ко Рву был крестный ход из Луги (это еще одно место силы поблизости, в 1730 году там на источнике явилась чудотворная икона Николы). На могиле Никиты собирались тысячные толпы.

Кроме могилы Никиты, в Монаховом рву есть и другие захоронения. Во всяком случае, есть кресты и могильные плиты. Но кому они принадлежат, неизвестно

Прихожанка Десногорского храма Мария, у которой я утром расспрашивал, как мне все же найти Ров Монаха, сказала: с молитвой. Потом объяснила дорогу и, между прочим, сказала, что документы на причисление Никиты к лику святых были поданы одновременно с таковыми же Серафима Саровского. Но Серафим вот уже больше ста лет, как святой, а Никита – пока еще нет. Ничего, у него все еще впереди: и турне по российским городам, и слюнявые поцелуи правоверных чиновников. Натерпится. Да, собственно, уже на-

чалось: православные атомщики, которые благоустраивали его могилу, решили заодно сделать сруб над родником, который бил чуть ниже во рву. И зачем-то тронули водоносный слой. Вода в результате катастрофически протухла. Это они не со зла, – сказала благодушная Мария. Конечно, не со зла. Чернобыльские атомщики тоже не со зла нагадили.

Я вот все думаю: почему мирный атом так стремится влезть в места силы?

Шестьдесят второе – Муром

Муромские леса называются так по угро-финскому племени мурома, обитавшему по нижней Оке. Когда будущий мученик князь Глеб Владимирович решил крестить мурому (по примеру отца, окрестившего Русь), его просто не пустили в город. Пришлось поселиться на реке Ушне в местечке, которое сегодня называется Борисоглеб – по монастырю, который возник там позднее.

Борисоглебский монастырь на реке Ушне. Это Спасо-Рождественская церковь, оставшаяся после закрытия монастыря в 1764 году. Здесь похоронена княгиня Евдокия, дочь Петра и Февронии. Но кто сказал, что у Февронии были дети?

А уж крестил Муром князь Константин, имени которого нет ни в каких летописях. Но в Благовещенском монастыре Муроме есть его мощи. И есть его Житие, в котором описывается, как муромцы сопротивлялись крещению. Подчинились лишь после того, как увидели мощь Константиновой дружины, а также – сияние, изшедшее от иконы Богородицы, которую он принес с собой. Икона, парализовавшая волю бедных язычников, называется Муромской, на ней Богородица держит младенца двумя руками, как бы баюкает. Характерно, что культа Муромской иконы в Муроме нет. Потому что местный епископ Василий забрал ее с собою в Рязань, когда заполошные муромцы обвинили его в том, что он держит наложницу. Эту девицу видели многие, но – то, конечно, был бес, принявший вид девушки.

Слева Муромская Богородица. Справа святитель Василий и муромцы, уличающие его в том, что к нему ходит девушка. Девушка там, на заднем плане, на розовой лестнице держит в руках не то чулки, не то сапоги. И рядом с ней написано: «Бес»

Оскорбленный Василий бросил на воды Оки свою мантию, встал на нее с иконой и понесся вверх по течению. Уже через шесть часов был за двести с лишним километров от Муром, в Старой Рязани⁹. Вместе с ним в Рязань перешла и епископская кафедра. Так муромцы остались без неусыпной духовной заботы. И в результате у них сохранились удивительные предания. Кондовые историки пытаются, конечно, связать героев Муромского мифологического цик-

⁹ См. Том Четвертый, главу «Девяносто второе – Старая Рязань».

ла с конкретными деятелями и датами, но это пустое. Священная история не нуждается в таком евгемеризме.

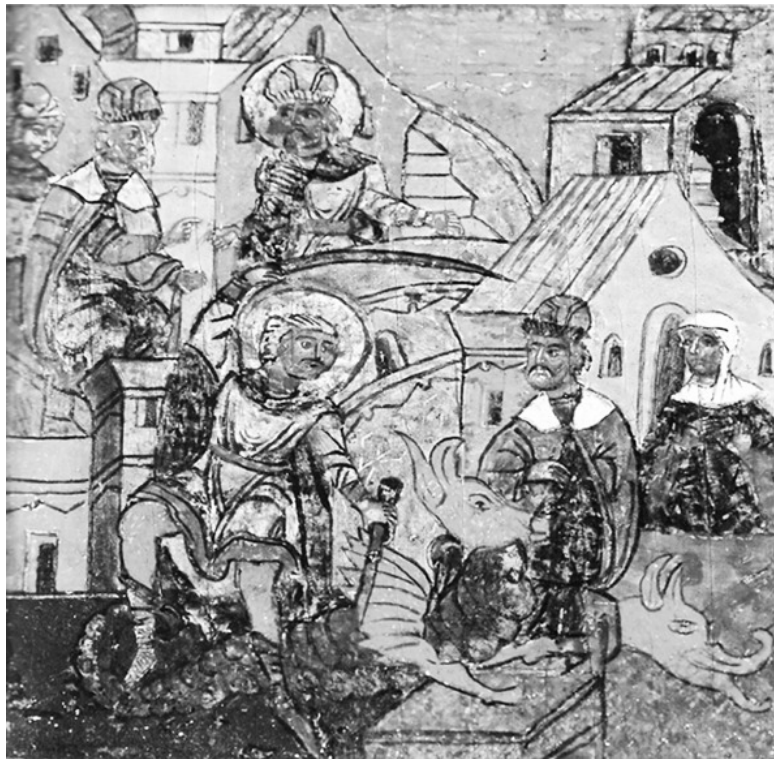

Благовещенский мужской монастырь. Там в Благовещенском соборе (в центре с синими куполами) мощи Константина и его сыновей Михаила и Федора. Михаил был послан отцом вперед, когда шел крестить Муром, и был убит не желавшими креститься язычниками. Так что он нечто вроде строительной жертвы, принесенной на алтарь Муромского православия. Федор ничем особенным себя не зарекомендовал, но все трое лежат в одном большом гробу. Это как бы мистическая Троица города Мурома. Слева тянется каменная ограда соседнего Троицкого монастыря. Он женский

В какой-то момент к жене муромского князя Павла стал являться крылатый змей. На блуд¹⁰. Причем, ей он являлся в своем настоящем змеином облике, а всем остальным – князем Павлом. Пикантно: неверная жена почему-то совсем не скрывала от мужа своих сношений с инкубом. Князь не знал, что и делать. Попросил жену как-нибудь обольстительно разузнать у Змея, от чего тот умрет. Оказалось: от Петрова плеча, от Агрикова меча. А у князя был брат по имени Петр, который, понятно, достал при помощи некоего ангела Агриков меч, но – дальше-то что? Как отличить брата Павла от похотливого Змея? На вид они совершенно идентичны, так что немудрено уложить брата своего, приняв его по ошибке за Змея (как приняли муромцы беса за девушку).

---

¹⁰ См. Том Второй, главу «Шестьдесят третье – Бабыя гора».

Князь Петр убивает Змея. Физиономия совершенно гусарская. Князь Павел (справа), в котором по идее Петра сидит Змей, смотрит на процесс с некоторой оторопью. Позади жена Павла, которая, как и положено по сюжету змееборчества, как бы придерживает своего Змея. На заднем плане князь Павел указывает на Павла Змея: вон тот, тот. Петр же на заднем плане пока еще не решил, кого будет ре-

зять. В недоумении разводит руками: этого или того?

Ермолай-Еразм, донесший до нас эту историю, подробнейшим образом разъясняет, как Петр идентифицировал Змея: ходил в покои к брату, потом к снохе, где сидел Змей в облике брата, потом опять к брату, расспрашивал слуг. Наконец, взял меч и убил того, кто сидел у снохи. Вроде не ошибся: брат превратился в клубящегося Змея. Но где же гарантии того, что другой не был Змеем? Их нет. Чтобы их получить, надо было убить и второго. Но Змееборец ограничился лишь одним убийством. А его брат Павел через некоторое время умер сам. Петр сделался князем.

Николо-Набережная церковь в Муроме. Удивительное место силы над Окой, совершенно Никольское. И кроме того, в этой церкви, покоятся мощи еще одной великой святой – Иулиании Лазаревской. Она умерла в 1604 году, а в 1615 году, когда был открыт ее гроб, он был полон благовонного мира

Змей живет в потаенной женской пещере Земли. И периодически должен быть побиваем, чтобы снова воспрянуть и дать расцвести Земле. Эту мифологию я здесь уже излагал¹¹. В физиологическом аспекте речь может идти о вечном возвращении похоти¹², которую утоляют, загоняя Змея в пещеру. В социальном – о насилии государства (его эмблема Георгий¹³) над пригвожденным к земле Народом¹⁴. В политическом – о смене власти: сколько властителей было убито под тем благовидным предлогом, что они гады, захватившие власть над землей. Каждое такое убийство – мистический акт. Вот, например, при убийстве Николая Кровавого (он ныне святой) мистика Змея была как будто бы даже нарочито срежиссирована. Хозяин земли русской (Никола-Змей-Волос) расстрелян каким-то Юровским (Змееборец-Юрий-Георгий) и брошен в шахту (пещеру, недра земли).

---

¹¹ См. Том Второй, главу «Пятьдесят пятое – Княжая Пустынь».

¹² См. Том Первый, главу «Двадцать девятое – Колоцкое».

¹³ См. Том Первый, главу «Восемнадцатое – Перынский холм».

¹⁴ См. Том Второй, главу «Шестидесятое – Шамордино».

Николо-Набережная церковь снизу, от Никольского источника

В Муроме есть чудесное место, где, несомненно, когда-то поклонялись Великому Змею. Это – место силы под горой, на которой стоит Николо-Набережная церковь. Внизу бьет родник, около которого несколько раз являлся сам Никола. Что совершенно естественно, поскольку это типичное Никольское место¹⁵ силы. Там просто пахнет Змеем. И тем же духом пропитана история об убийстве крылатого Змея князем Петром. Который довольно жестоко поплатился за свое змееборчество: кровь Змея попала на его тело, и оно все покрылось язвами и струпиями. В официальном Житии говорится, что у Петра была проказа. Может быть. Но важен не официальный диагноз, а эффективность лечения.

Муромские доктора не смогли исцелить страждущего и порекомендовали ему отправиться в Рязанскую землю: там помогут. И Петр отправился. Приехав, стал искать врача самым странным образом: рассылал своих людей по деревням наобум. И вот один из посыльных приходит в село Ласково (это недалеко от Солотчи¹⁶) и находит девушку в избушке за ткацким станком. А перед ней скачет заяц.

---

¹⁵ См. Том Первый, главу «Двадцать восьмое – Филипповское».

¹⁶ См. главу «Шестьдесят четвертое – Солотча».

ЕНИЦЪ ЖЕ ПЪЗЕМА...
 НАЗЪ БАНЪ ПОЛОЖИ...
 ОУМЪ БАНЪ...
 ШЕ 1485...
 СЪНЪ ЖЕ НЕ...
 ПАСЕ...

Дева Феврония дает посланцу князя Петра склянку с чудодейственным снадобьем. Заяц при ней такой мускулистый

Рекомендую: Косой, русский Купидон, похотливейший малый. Это о нем было сложено: «Вышел заяц на крыльцо, почесал себе яйцо»... Это он обесчестил Лису и Волчицу. В хороводах он представал женихом, выбиравшим невесту. Женский пол от него без ума: «Заинька серенький, не ходи по сеням, не топай ногой, я лягу с тобой». Нет, не зря называют возлюбленных зайками. А вот еще отгадайте загадку: «Заюшка беленький, полежи на мне, хоть тебе трудно, а мне хорошо». Правильно: снег на озимых. Но бывает и так: «Зайку бросила хозяйка, под дождем остался Зайка».

Элементарная скромность не позволила Ермолаю-Еразму (который все-таки сочинял житие, а не любовный роман) живописать настоящую роль Зайца в истории своих героев. Косой просто скачет перед девушкой (ее зовут Феврония), когда является посланец Петра. А фольклорный чертоног проскакивает в некую щель (как кролик в «Алисе» или в «Плейбое»), заламывает капусту (в которой находят детей), помогает от сифилиса (своими какашками) и при родах (своим жиром). О Зайце достаточно.

Теперь о Февронии. Первое, что она произносит, увидев посланца князя, это: «Плохо, когда дом без ушей, а горница без очей!» Посланец ничего не понимает, и Феврония тол-

кует ему свою загадку: уши дома – пес, а глаза – ребенок. То есть сходу, еще и неспрошенная ни о чем, декларирует, что она бездетна и, пожалуй, не замужем. Про мужа, впрочем, пока что не сказано (хотя я думаю, что под «псом» подразумевается именно «муж»). Но уже через минуту, сразу после того, как посланец сообщает, что Петру нужен врач, Феврония заявляет: «Если бы кто-нибудь взял твоего князя себе, тот мог бы вылечить его». Это, конечно, опять лишь загадка. Но Феврония может изъясняться и без обиняков: вылечить-то можно, но только – «если я не стану супругой ему, то не подобает мне и лечить его». Петр не может понять такого подхода к целительству: как можно, он князь, а она простая крестьянка.

Но в том-то и дело, что Феврония отнюдь не простая крестьянка. Курс лечения, который она предлагает Петру, состоит из следующих процедур: обещание жениться, мытье в бане, намазывание струпьев неким зельем. О лечении браком чуть позже, а вот что касается бани, то это – та самая «банька с пауками по углам», о которой я говорил¹⁷, объясняя, что такое избушка на курьих ножках: пограничный переход на тот свет с Бабой Ягой в роли таможенника. Правда, Феврония ничуть не похожа на Бабу Ягу. Но это – лишь внешне. На деле же она обладает всеми необходимыми средствами для перехода в иной мир.

Где ее родители? На кладбище, но – живы (они хоронят кого-то, или, как выражается дева, «плачут взаимы»). Кто ее брат? Как и отец, древолаз, который в данный момент пошел «через ноги в нави зрети». Профанное объяснение этому: опасная профессия собирателя дикого меда вынуждает глядеть с высоты дерева вниз (через ноги), дабы не сорваться, не убиться. Но, вообще-то, с дерева «в нави зрети» – постоянное занятие шамана, перемещающегося между мирами по стволу мирового древа и, соответственно, наблюдающего с него навь, мертвецов.

---

¹⁷ См. Том Второй, главу «Пятьдесят девятое – Бабье озеро».

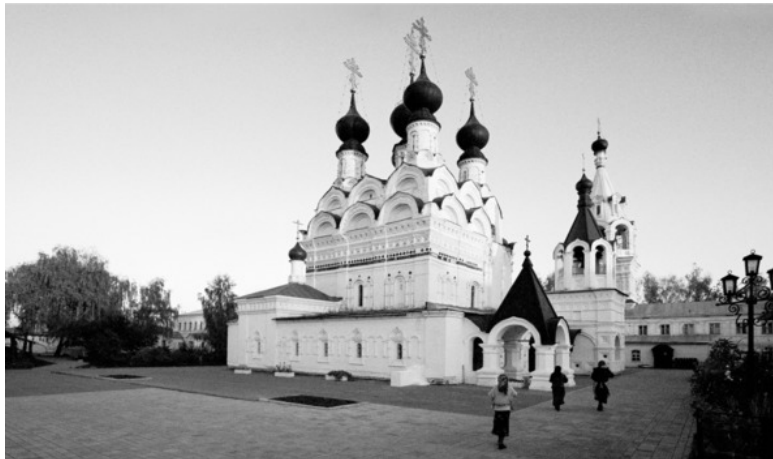

*Деревянная церковь Сергия Радонежского
в Троицком монастыре. А за каменной стеной уже церкви
Благовещенского монастыря*

Такая святая семейка: шаманы, жрецы, представители мира духов. То есть, читай, сами духи. И Феврония тоже из них. В тексте Ермолая-Еразма это по понятным причинам не афишируется. Но смотрите: Петр попал в беду мистического свойства и идет за тридевять земель (в соседнее княжество) в поисках неизвестно (конкретно) чего. Типичный сказочный поход к избушке на курьих ножках со всеми его атрибутами: ритуальным загадыванием и разгадыванием загадок, с невыполнимыми заданиями, с банькой, в которой князю Петру в лучших сказочных традициях предлагают очиститься от земной скверны. И только потом уж помазаться снадобьем, которое приготовила Феврония. В тексте по-

вести оно называется «кисляджа», что в переводе на современный язык звучит как-то обыденно: квас. Но речь не просто о квасе, но – о магическом брожении. Той малой закваске, что квасит все тесто. Той, из-за которой сломано столько копий в теологических спорах. Впрочем, суть не в самой и кислядже, а вот: зачерпнув ее, Феврония дунула на нее. Это вдувание духа и есть самый нерв лечения мистической болезни князя. Только божественный дух Февронии дает силу снадобью.

Но если Феврония божество, то – какое? Богиня чего? Это же ясно: брака. И потому от нее – не отвертись. Князь Петр попробовал: обещал жениться, а про себя подумал: пусть лечит, а там видно будет. Но нашу российскую Геру не проведешь: она точно знала, что суженый попытается ускользнуть, и поэтому заранее поставила ловушку. Дала лекарство и при этом сказала, что в методику первоначального курса лечения входит условие: помазать все струпья, кроме одного. Князь выздоровел и уехал в Муром, забыв о женитьбе. От не помазанного струпа болезнь вернулась. Это надо понимать символически: Феврония привязывает князя к себе нитью болезни.

Троицкий собор Свято-Троицкого монастыря. По дорожкам гуляют воспитанницы пансионата для несовершеннолетних, действующего при монастыре. Пансионат называется «Надежда»

Я знавал много женщин с активной Февронией в душе. Красота их не броская, но есть что-то в них привлекательное... Осторожно, однако! С первого шага общения с такой Февронией, тебя начинает глотать безотчетное чувство вины. И забавно: ты еще ничего и не сделал, а уже виноват перед ней. Некоторые нетерпеливые глупышки прямо так и заявляют: ты скотина. С этими проще: повернулся и сразу ушел. Но вот если она с тобой мила и приветлива, дает понять, что ты ей нравишься, а ты при всем том все-таки чув-

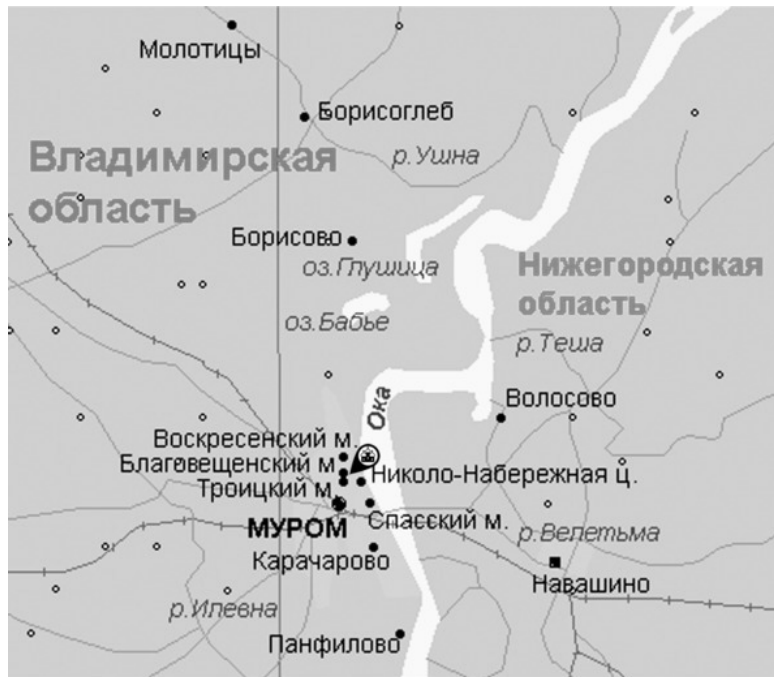
ствуешь себя полной скотиной (или просто ущербным, покрытым струпьями), то – тут можно попасться. Многие попадают. Сколько я видел семей, где серая мышка вертит, как хочет, своим виноватым увальнем. И всякий раз в таких случаях элементарный анализ семейных интеракций показывает, что именно жена подспудно внушает мужу чувство какой-нибудь неполноценности (повод для манипуляций всегда найдется). Это я называю идеальным русским браком. А не идеальный – это когда муж пытается сопротивляться богине в жене, и начинается ад. Об этом и пишут романы: каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

Монашки Троицкого монастыря трудятся не покладая рук. Сейчас они меня окликнут: «Мужчина, помогите». И я

буду вот так же корячиться, таская тяжёлые столы. И это с моей-то надорванной спиной. Сколько опасностей подстерегает искателя мест силы на его чудном пути

Зато все счастливые семьи похожи друг на друга. Потому что живут под опекой одной богини – Февронии. Основной ее принцип прост: привязать к себе мужичка любым способом (не только при помощи струпьев или чувства вины) и заставить его хранить верность всю жизнь. Когда у Петра случилась ремиссия, он вернулся, женился, как миленький. И далее уже Феврония никому не дала разлучить раз возникшую пару. Муромские вельможи, конечно, интриговали, пытались избавиться от крестьянки на троне, но она устроила так, что это они остались без князя, ушедшего из города вслед за женой.

От Муром до Борисоглеба километров пятнадцать. В самом Муроме все компактно и близко, но — как-то уж очень запутано. Я на этой карте приблизительно проставил точки основных городских мест силы, но не все, конечно, влезло. Прошу обратить внимание на Карачарово: там родился знаменитый Илья Муромец. И еще обратите внимание на географические названия в округе: Бабье озеро, Волосово, там дальше есть Дедово. В Муромских лесах полно мест силы

Поклонники Февронии должны знать: это богиня узкой специализации. Для нее важен брак сам по себе, в чистом виде, а все остальное с ним связанное – любовь, дети, домашний очаг – привходящее: может быть, а может не быть. Но уж чего точно не может быть никогда – так это прелюбодеяния. В «Повести о Петре и Февронии» есть такой эпизод: некто в присутствии собственной жены посмотрел на Февронию с вожделением. Она это сразу заметила и велела похотливцу попробовать воду с левого, а потом правого борта (дело было на корабле). Далее сакраментальный вопрос: одинакова ли вода? Ответ ясен, тем более что божества брака во всем мире задают подобный вопрос и делают одинаковый вывод из ответа на него: «Так и естество женское одинаково». Непонятно другое: как можно купиться на такую подмену? Вот если бы Феврония предложила тому мужику попробовать поочередно (или сразу) двух женщин, и после этого он, положив руку на сердце, смог сказать: одинаковы, – тогда: да. Но божество моногамного брака по определению не может предложить нам такого эксперимента.

Спасский (Спасо-Преображенский) мужской монастырь. Это самый древний монастырь не только в Муроме, но едва ли и не во всей России (поскольку Украинские монастыри теперь за границей). Говорят, он основан еще князем Глебом, которого муромцы прогнали, когда он вздумал их крестить. Первое летописное упоминание Монастыря Спаса-на-Бору – под 1096 годом

Но оно может предложить вечный брачный контракт. В православном варианте мифа о Петре и Февронии под старость они постригаются в монахи. Но остаются все той же идеальной супружеской парой. Когда Петр чувствует смерть, он посылает к Февронии сообщить, что умирает. То есть – и ей,

значит, пора. Она просит подождать, пока не закончит вышивку (как Пенелопа, ткущая в окружении женихов). Петр торопит, Феврония вышивает. Но вот она втыкает иглку в ткань и кончает одновременно с Петром свой земной век. Таков древний обычай. Он еще и сейчас кое-где сохраняется: жена должна взойти на погребальный костер вместе с мужем. В Индии это называется сати.

Воскресенский монастырь. Слева за колокольной Введенская церковь, справа (в лесах) Воскресенский собор. Монастырь действующий. Там такие злые монашки!

Церковь, конечно, пыталась воспрепятствовать последней воле супругов, заготовивших себе один гроб на двоих. Хотела хоть после смерти отнять Петра у Февронии (под предлогом: нельзя же, монахи). Но догма священного брака диктует: муж и жена должны остаться вместе не только до гроба, но и за гробом. Вечером нашу чету разделили, а наутро нашли в одном гробу. И так до трех раз. Что ж, смирились, Феврония вновь победила. Похоронили их возле храма Рождества Богородицы. Теперь он разрушен, а мощи Петра и Февронии лежат в соборном храме Троицкого монастыря.

Троицкий монастырь. Слева крыльцо храма, в котором покоятся общем гробу мощи Петра и Февронии

Шестьдесят третье – Бабья гора

Покидая озеро Бабье¹⁸, я думал, что напрасно пришел сюда. Чудес никаких не увидел, устал смертельно, а надо еще как-то дойти до машины: почти двадцать километров. У моста через речку Озериху я лег на мокрую землю и вдруг увидел торчащую из-под моста голову, вроде – дельфина, пожирающего мелких рыбешек. Присмотрелся – нет, это не дельфин, скорей крокодил или ящер. Вполне, впрочем, мирный.

---

¹⁸ См. Том Второй, главу «Пятьдесят девятое – Бабье озеро».

Мост через реку Озериху, из-под которого выглянул ящер

Далее. Я спускаюсь к реке, начинаю его убеждать не есть рыбок, обнимаю за талию, провожаю обратно под мост. Он сокрушенно уходит вверх по Озерихе, а я достаю белый хлеб и начинаю кормить рыб. Их мало – ящер многих сожрал и спугнул. Но на хлеб они возвращаются. И я вижу, как с той стороны, куда ушел ящер, появляются две женщины. Вполне! Одна чуть постарше, другая – совсем молодая. Лиц, впрочем, не вижу, поскольку весь сосредоточен где-то в за-

манчивой области ляжек и лобков. Узкие шорты лишь слегка прикрывают интереснейшие анатомические подробности, которые и возвращают мое внимание к темноте под мостом, из которой явился ящер.

Вопрос: какого пола Змей¹⁹-Дракон-Крокодил, побиваемый на иконах Георгием Победоносцем²⁰? Мужского? А из чего это следует? Ни из чего, это просто все знают. Но почему ужасного Дракона держит на привязи женщина? Потому что он ее поработил? Или, может, она его приручила? Ну, а если дракон все же женского пола?

Валентина окликнула меня: пошли. Я огляделся. Пес Осман по колено в воде что-то вынюхивает. Справа деревня Раскаты. Позади меня Бабья гора. Где-то слева вдали угадывается река Ветлуга. Яркий октябрьский день. Пошли.

---

¹⁹ См. Том Первый, главу «Семнадцатое – Волосово».

²⁰ См. Том Первый, главу «Восемнадцатое – Перынский холм».

Место силы Бабу́ья го́ра лежит между реками Ветлуга и Уста

Когда-то Ветлуга была водным путем, соединяющим Волгу с Северной Двиной. И по Ветлуге же проходила граница между Московией и Казанским ханством. Поэтому здесь так много типичных для фронта легенд о разбойниках и их кладах (я говорил²¹ об этом в связи с Литовской границей). Легенды Ветлужского пограничья имеют свою изюминку. В них обычно действует женщина. Она может мстить

²¹ См. главу «Шестьдесят первое – Монахов ров».

разбойникам (будь то татары или русские), топить их в реке, например, ценой собственной жизни. Может быть подругой разбойника, но от ревности – тоже топить его (и топиться). А может и сама быть разбойницей. На Бабьей горе как раз обосновалась банда из двенадцати мужиков, во главе которой стояла атаманша Степанида.

Сейчас река ушла в сторону от Бабьей горы. А во времена Степаниды текла прямо у подножья (там теперь старица). С горы было удобно наблюдать за ползущими по излучине реки судами. Всегда можно было правильно оценить ситуацию, подготовиться и напасть (или бежать).

Это и есть Бабья гора

Существует несколько вариантов легенды о Степаниде, точнее – ее гибели. В одном варианте Степанида бросилась в реку с горы, чтобы не доставаться живой пришедшим ликвидировать банду стрельцам. В другом – разбойники не поделили добычу и, чтобы не ссориться, бросили ее в Ветлугу, а жадная атаманша прыгнула в реку вслед за сокровищем и утонула. Еще: разбойники вышли из-под контроля и убили свою патронессу, а тело ее то ли бросили в реку, то ли закопали в горе. Во всех этих байках верно одно: Степанида погибла. Но дух ее витает у Бабьей горы. Ночами там слышатся вопли и стоны, а иногда на горе видят женщину с распущенными волосами. Место жуткое. Особенно – осенней ночью. В том, что там живет какая-нибудь Степанида, у меня нет сомнений. И живет она там уже тысячи лет. Стрельцы и разбойники – наносное, а вот баба, как-то связанная с рекой, это – доподлинно.

Река Ветлуга

Если заняться археологией подсознания Ветлужья, обнаружится много пластов: русский, татаро-булгарский, марийский... И женское божество дикой природы можно найти в любом из них. Вот, например, марийская история Ченебечихи, русской жены татарского князя Ченебека. Баба знала змеиный язык, и гады тянулись к ней. Сперва, конечно, заполонили баню, а потом и весь дом. Однажды муж обнаружил на супружеском ложе огромного змея. Схватился за меч²², но змей оказался проворней. Когда князя схоронили, Ченебечиха со своими змеями стала хозяйкой деревни. В конце концов, поселяне убили злую тетку, а тело ее бросили в зме-

---

²² См. главу «Шестьдесят второе – Муром».

иное болото. Подобного рода историй немало. Героини в них вроде бы разные, но за этим разнообразием кроется единая демоническая сущность.

В русской сказке «Марья Моревна» Иван-царевич приходит к Бабе Яге за конем, который нужен ему для того, чтобы вызволить эту Моревну из лап Кощея²³. Вокруг избышки на одиннадцати кольях черепа молодцов, которые уже погибли тут, а один кол свободен. Иван, надо полагать, кандидат в двенадцатые. Это ничего, что ему удастся избежать лютой смерти (хотя стоит напомнить, что к тому моменту он уже убит Кощеем и волшебным образом оживлен). Двенадцатый кол вопиет к небесам: требует черепа. Потому что дюжина – это сакрально. Иван нужен Яге для полноты коллекции.

А вот у Степаниды уже полный набор голов. Значит ли это, что она заслуживает имени Бабы Яги? Нет, не думаю. Степанида, при всем уважении, не совсем еще Яга, скорее – нечто вроде Марьи Моревны, которая в своей сказке появляется сперва как злое предвестье: Иван-царевич видит в поле порубленное войско и выясняет, что всех этих несчастных убила одна прекрасная дева. Ее прозвище Моревна ясно указывает на то, что эта дева – губительница. Вроде известной на Волге атаманши Катерины, которая принципиально убивала всех, кого грабила. Степанида, разумеется, тоже гуманизмом не грешила.

---

²³ См. Том Четвертый, главу «Девяносто шестое – Любим».

*Дорога от Бабьей горы к Ветлуге. Она уже рядом.
Виднеется белый лоцманский знак на ее берегу*

Не все, впрочем, так однозначно. Моревна как-никак полюбила Ивана, а он на ней женился. Отправляясь в очередной раз на войну, она оставляет хозяйство на мужа, заповедав не заглядывать в один интересный чулан. Как не заглянуть? И в этом сказочном тайнике подсознания Иван обнаруживает Кощея Бессмертного, висящего на двенадцати цепях. Скелет в шкафу. Иван дает ему напиток и тем самым активирует программу «Кощеева смерть», предусмотрительно инсталлированную Марьей Моревной: Кощей срывается с цепей, пленяет воительницу, Иван ее ищет, гибнет от руки

Кощея, оживает, отправляется за волшебным конем к Бабе Яге по стопам Кощея...

Вся эта местность между Ветлугой, Бабьей горой и селом Троицким просто какой-то резервуар снов. Там бродишь словно в тумане. Пес Осман, которого я использую в качестве биолокатора при поиске мест силы, обезумел в этих местах. По его мнению, сила фонтанирует здесь повсюду

Это важно: Кощей тоже когда-то приходил к Бабе Яге за конем. Но не попал головой на кол, а напротив: справился с трудными заданиями, получил коня, и таким образом стал непобедимым (условно – бессмертным). Теперь настал черед Ивана. В сказке говорится, что он достал коня, победил Кощея и соединился с Моревной. Но ничего не говорит-

ся о том, что было дальше. А дальше могло быть только одно: покончив с Кощеем, он сам превратится в Кощея. И даже так: Иван кощенеет уже в тот момент, когда выпускает Кощея из чулана (бессознательного) своей возлюбленной, дает свободу тому, что принадлежит ей изначально. Дальше ему придется идти путем Кощея вплоть до смерти, которая наступит от руки какого-нибудь следующего Царевича. Точнее, от его коня, что сближает Ивана с Вещим Олегом, принявшим смерть от коня и от змеи одновременно.

Кто же, однако, эта змея? В данном случае – Марья Моревна, дева-убийца, подначившая Ивана дать свободу своему Кощею. Таких валькирий в русских сказках называют Ягишнами. Эти амазонки мыслятся дочерьми Бабы Яги, но только никто никогда не слышал об их отце. Если Яга и рождает Ягишну, то – как-нибудь без мужчины, путем партеногенеза. Хотя, пожалуй, и этого нет, а просто Яга и Ягишна – два разных возраста Бабы, две стадии жизни одной и той же специфической женственности.

Справа летняя Троицкая церковь. Дальше за березами виднеется зимняя Зосимосавватиевская церковь

В русских селеньях не так уж и редко встречаются особи женского пола, которых никак невозможно представить женой, матерью, домохозяйкой... То есть они могут быть чем угодно из названного, но все равно: это к ним как-то не идет. И заметьте, речь не о каких-нибудь мужиковатых бой-бабах. Нет, речь о тех, которые могут казаться очень даже ебабельными. Но берегись, помни злую судьбу Актеона, растерзанного собственными псами по милости Артемиды (античного воплощения той демонической женскости, которую здесь называют Ягишной). Ужас в том, что в каждой женщине дрем-

лет такая Ягишна. И это уже не сказки. Если она пробудилась в твоей подруге, ты, считай, погиб. Баба изведет тебя твоими же руками: найдет, например, в твоей душе программу самоликвидации и включит ее. Ты еще будешь себе удивляться: да что ж это, я так стараюсь, а в результате – полный пиздец!? Удивляться тут нечему.

О женщинах этого типа Некрасов сказал: «В игре ее конный не словит, в беде – не сробеет, – спасет: коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Достоверный портрет быстроногой, сильной, неуязвимой (до времени), коварной, суровой и беспощадной Ягишны. «Она улыбается редко... Ей некогда лясы точить, у ней не решится соседка ухват, горшка попросить». Потому что Ягишна не любит клуш и прочего человеческого, слишком человеческого материала. Ницшеанский типаж: «Не жалок ей нищий убогий – вольно ж без работы гулять! Лежит на ней дельности строгой и внутренней силы печать» (Некрасов «Мороз, красный нос»). «Пусть гибнут слабые и уродливые – первая заповедь нашего человеколюбия. Надо еще помогать им гибнуть» (Ницше «Антихристианин»).

Троицкий сакральный комплекс над старицей Ветлуги

У Некрасова, конечно, не сказано, что Дарья сгубила своего мужика, но тот факт, что основой поэмы являются смерть и похороны мужа, говорит лучше всяких слов. Сам-то поэт хотел рассказать о тяжелой женской доле, но муза, овладевшая им, доводит дело до логического конца: закопав благоверного, Дарья отправляется в лес и отдается Морозу (в сказках его называют Морозко), который и возвращает ее к подлинной реальности. Той запредельности, в которой действуют боги. Овдовевшая баба Ягишна замерзает с «улыбкой довольства и счастья». Это потому, что она, наконец-то, вернулась в свой зачарованный лес.

Вернемся на Бабью гору, где бродит дух Степаниды. Двенадцать мужиков, которых она собрала вокруг себя, – типичная мифологическая ватага. Поскольку мужской пол для богини этого типа не значит ровно ничего, она могла их использовать разве что в инструментальных целях. Для разбоя. Для

того, чтобы тешить свою волю к власти. А также – в качестве мужей. Это ведь только Артемида принципиально девственна, а вообще для богини лесных буераков нет ничего зазорного даже в полиандрии, если, конечно, мужики употребляются исключительно как вибраторы. Совершенно очевидно, что члены ватаги – лишь месяцы в годовом цикле божественной Степаниды.

Зосимосаввтиевская церковь в Троицком

Впрочем, есть у мужчин еще одна важная функция: убить богиню. Да-да, смерть от мужской руки – необходимый элемент мифологического сценария жизни Бабы. И в этом смысле она нечто вроде умирающего и воскресающего Змея-

Никола²⁴. Скажем так: подколодная Змея, которая должна умереть, чтобы снова воскреснуть.

По Ветлуге и в прилегающих к ее устью Поволжских местах не так уж давно прекратили приносить женщин в жертву. Один такой случай у всех на слуху: княжна Стеньки Разина. Свидетели сообщают, что перед тем, как бросить девушку в воду, пьяный мерзавец бормотал что-то типа: Ма-тушка Волга, ты мне всегда помогаешь, а я тебя еще не отблагодарил («не видала ты подарка от донского казака»). Эта почти современная трансформация мифа о Бабе, вполне отражает суть дела: божество умирает и воскресает где-то там, в вечности, а здесь, в циклическом времени нашей условной реальности, надо совершать ритуал, чтобы не терять связи с тем миром, из которого на нас изливаются всякие блага, а также – напасти. В общем, Бабе надо приносить в жертву девушек, которые и сами в этот момент становятся Бабами.

---

²⁴ См. Том Второй, главу «Пятьдесят второе – Ижеславль».

Старица Ветлуги с Троицкой горки

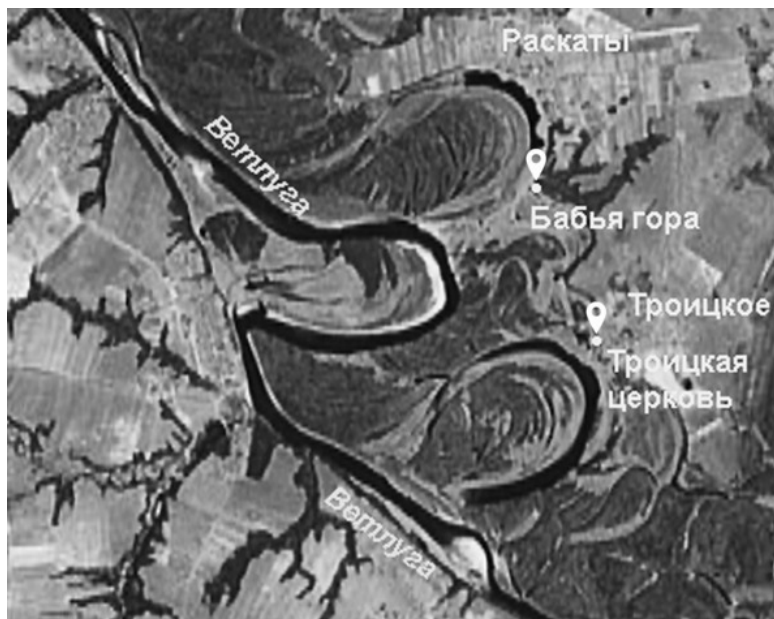
Но какой Бабе? Ведь Баба Яга из сказки «Марья Моревна» не слишком похожа на ту Бабу Ягу, которую я искал на Бабьем озере²⁵. Та – древняя старуха, прикованная к избушке, пограничному переходу на тот свет, а эта гоняет по лесу в ступе и облетает мир на белой кобылице. Но главное: та никогда не умирает, а эта – гибнет от руки Ивана-царевича, переправляясь через Огненную реку. Гибнет в самом соку – как Степанида, как Дарья, как многие другие губительницы мужчин. Гибнет в реке, хотя бы и Огненной. Но ведь это означает, что она – нечто вроде русалки²⁶. Нет, конеч-

---

²⁵ См. Том Второй, главу «Пятьдесят девятое – Бабье озеро».

²⁶ См. Том Второй, главу «Сорок девятое – Источник Непрядвы».

но, она не простая русалка, а самая главная, идеальный образец всех обычных русалок, которые на Троицкую неделю плещутся в омутах около мест своей гибели. И все же по логике ей суждено теперь вечно бродить по берегу возле рухнувшего виртуального моста и пугать одиноких прохожих, пробирающихся на тот свет. Не означает ли это, что утонувшая в реке Баба Яга превращается в Бабу Ягу, привязанную к пограничному переходу? Похоже. Ведь Огненная река – это как раз граница миров.

Между Бабьей горой и Троицкой церковью как будто натянуты невидимые нити. В сущности, это одно место силы. И тройная структура его прекрасно видна на снимке из космоса

А Ветлуга – просто пограничная река. Место силы утопнувшей (утопленной) в ней Степаниды располагается прямо под Бабьей горой. Но совсем рядом, на соседней старице, есть и собственно русалочий холм. На нем стоят две деревянные церкви, одна из них – Троицкая, построенная в 1713 году. В период Русалий, на Троицу, когда мертвецы приходят в наш мир и русалки свободно бродят по земле, здесь собираются толпы народу. Это и есть на самом деле культ Бабы Степаниды.

Между Троицкой горкой и Бабьей горой словно бы натянуты невидимые нити. Если угодно: силовые линии между зарядами. Так организовано энергетическое поле, притягивающее к себе текущую рядом Ветлугу. Здесь ходишь будто в чаду среди привидений. По сути, это единое место силы: тройной речной изгиб – излучина Ветлуги и два завитка русалочьих стариц. Пожалуй, именно это я и увидел когда прилег у моста, возвращаясь с Бабьего озера.

Церкви на Троицкой горке. Слева Зосимосавватиевская, справа Троицкая. На Троицу здесь гуляют

Крокодил, высунувшийся из-под моста, был той самой древней формой Бабы Яги, которая сидит в своей пограничной избушке, как Черепаха Тартила. А вот две женщины, появившиеся после того, как я спровадил старушку, были как раз Ягой и Ягишной, одной, в сущности, Бабой, но в разных стадиях зрелости. Или – в разной степени близости к живым. Все вместе они составляют единосущную Бабыю Троицу, первобытный тип женскости, не имеющий почти никакого отношения к тому, что современный человек считает женственным. Но это – особая статья.

Шестьдесят четвертое – Солотча

Чуть выше Рязани Ока, текущая с запада на восток, вдруг резко поворачивает на юг. Такие резкие повороты, как уже говорилось²⁷, симптомы мест силы. Река на что-то наткнулась. Неважно на что – на горку или на демона, дующего на воду. Важно, что в таком месте может быть энергетическая аномалия. Надо только походить ее поискать.

Ока обтекает Среднерусскую возвышенность с севера. На поворотных точках этой петли симметричные места силы: Серпухов (устье Нары) и Солотча. Коломна – особый разговор: там Москва впадает в Оку

Вот хотя бы та же Ока перед Серпуховом. Там река меняет

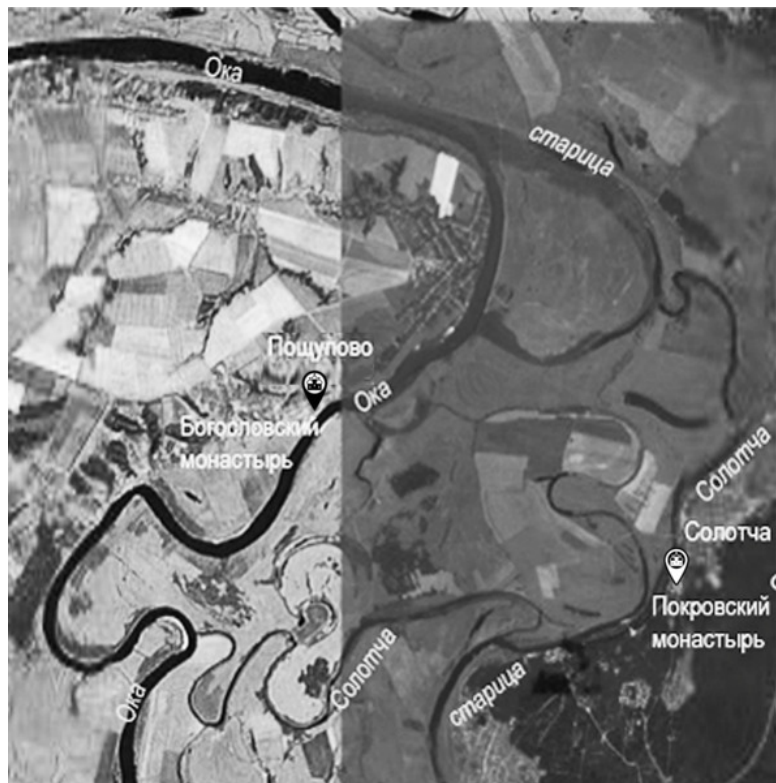
---

²⁷ См. Том Первый, главу «Двенадцатое – Верюга».

направление с северного на восточное, и от устья Нары до самого Серпухова тянется место силы. Я говорил²⁸ о нем: два монастыря (Владычный и Высотский, женский и мужской, Инь и Ян), стоящие друг напротив друга по берегам реки, замыкают пространство при впадении Нары в Оку. И таким образом организуют своего рода энергетическое поле в той зоне. Солотчинское место силы, о котором сейчас пойдет речь, не то чтобы полностью аналогично Серпуховскому, но все-таки очень похоже на него. Сходство начинается с того, что оба они находятся в двух поворотных точках Оки, обтекающей Среднерусскую возвышенность. Эти точки вполне симметричны в пространстве, что влечет за собой симметрию семантическую.

---

²⁸ См. Том Второй, главу «Тридцать второе – Низовья Нары».

На снимке из космоса хорошо видна зона силы между Покровским Солотчинским и Иоанно-Богословским монастырями. Граница, проходящая примерно по центру снимка, ничего не значит. Это просто состыковка кадров разного разрешения

Как и Нара, Солотча впадает в Оку с севера, но не на самом ее повороте, а немного ниже. Когда-то, впрочем, было иначе: и Ока текла по-иному, и Солотча впадала в нее несколько севернее. Но в какой-то момент Ока ушла к западу. Теперь Солотча течет в старом русле Оки и лишь за поселком сворачивает к ее нынешнему руслу. Вот между этими руслами и лежит место силы. С юга оно ограничивается Солотчей (рекой), а с севера – старицами Оки. В этой зоне, напитанной влагой, можно сколько угодно блуждать, но нельзя заблудиться. Потому что почти из любой ее точки можно видеть по крайней мере один из двух монастырей, стоящих друг напротив друга на берегах старого и нового русла Оки.

Об одном из этих двух монастырей, оформляющих пойму Оки в напряженное энергетическое поле, я уже тоже рассказывал²⁹: Иоанно-Богословский монастырь в Пощупово. Он мужской, основан в незапамятные времена, стоит на правом берегу Оки. А почти что напротив него, в Солотче, на левом берегу окской старицы, стоит Покровский монастырь. Он теперь женский, хотя был задуман как мужской.

---

²⁹ См. Том Первый, главу «Двадцать четвертое – Пощупово».

Зона силы в пойме Оки. Вдали видна колокольня Богословского монастыря в Пощупово

Великий князь Олег Иванович Рязанский как-то охотился в этих местах. И повстречал двух отшельников Василия и Евфимия. Может быть, то были иноки Богословского монастыря, пришедшие с другого берега Оки. А может, вообще какие-нибудь ангелы или духи окской поймы. Это неизвестно. Известно, однако, что место, в котором жили отшельники, так понравилось князю, что в 1390 году он построил там монастырь. И, говорят, тогда же постригся в нем под именем Ионы. Все может быть: незадолго до основания монастыря, осенью 1386 года, к Олегу Ивановичу приходил Сергей Ра-

донежский, мирил его с Дмитрием Донским. Может, заодно и заставил подумать о вечности. Впрочем, рязанский князь продолжал оставаться у власти до самой своей смерти, которая настигла его в 1402 году в стенах Солотчинского монастыря. Некоторые думают, что его отравили.

Промосковские летописцы характеризуют Олега однозначно: душегубивый, отступник, советник дьявола. Это потому, что он постоянно уклонялся от авантюр Дмитрия Донского, а перед Куликовским³⁰ сражением вообще вступил в союз с Мамаем и литовским князем Ягайлом. Хотел спасти свое княжество и, чем черт не шутит, завладеть частью Московских земель после более чем вероятного поражения Дмитрия. Но тот неожиданно победил. Что же, Олег разрешил своим людям грабить обозы с добычей, взятой победителями на Куликовом поле. И это сошло ему с рук. Через два года, когда Тохтамыш шел жечь Москву, Олег показал ему броды через Оку. Опять-таки надеялся отвести беду от Рязани, но хан все равно разорил ее на возвратном пути. А тут еще князь Дмитрий, отсидевшийся в Костроме, пока Тохтамыш резал его подданных, пришел и позверствовал над рязанцами, хуже татарина. Только в 1385 году Олег смог по квитаться за это: взял Коломну и потом разбил пришедших мстить за это московских карателей. Вот тогда-то Дмитрий Донской и попросил Сергия Радонежского сходить в Рязань.

---

³⁰ См. Том Второй, главу «Сорок пятое – Епифань».

Покровский (Рождественский) монастырь. Вид из поймы Оки

Послать на усмирение беспокойного соседа не войска, а монаха – это был сильный ход. Деморализующему влиянию Церкви довольно трудно противостоять, а уж такому святому человеку, как преподобный Сергей – и вообще невозможно. Олег замирился, женил своего сына Федора на дочери Дмитрия Софье и перенес свои эскапады с Москвы на Литву. Например, в 1400 году он вернул захваченный литовцами Смоленск своему зятю Юрию Святославичу. Но Юрий Смоленский вскоре опять потерял свой город, пошел на службу к московскому князю, влюбился в жену Семена Вяземского

и в 1406 году в припадке страсти изрубил ее на куски. О том, что это не помешало ему стать православным святым, я уже рассказывал³¹.

Некоторые оправдывают поступки Олега Ивановича так: он, мол, был не советником дьявола, а засланным казачком в рядах противников Москвы. Перед Мамаевым побоищем запутал врагов Руси: сам не пришел и не позволил Ягайлу успеть к сражению.

Раннее утро в Солотчинском монастыре. Священник спешит по делам, справа виднеется церковь Рождества Богородицы

---

³¹ См. Том Первый, главу «Двенадцать ключей».

*Олег Рязанский. Это я снял украдкой на лестнице
в Духовской церкви. Уж как получилось*

Помилуйте, ну зачем же возводить такую напраслину на принципиального противника московских хищников. Олег не мыслил в примитивных категориях – общерусское дело и прочая идеологическая чушь. Он был умным и ловким политиком. Он хорошо понимал, что – кто бы ни победил в конкретном сражении, выиграет всегда тот, кто от него уклонится. К тому же ему просто претило участвовать в битве, где столкнулись интересы гегемонизма буржуев и аппетиты московских собирателей чужих земель. Захватить Коломну, которая изначально принадлежала Рязанскому княжеству, или вернуть родственнику Смоленск – это другое дело, это справедливо и понятно. А то, что сейчас называется общерусским делом, собиранием земель, борьбой с татаро-монгольским игом – все это ведь было на самом деле элементарным захватом чужой собственности. Если и не приватизацией, то серией поглощений с попустительства центральных властей, находившихся в городе Сарае.

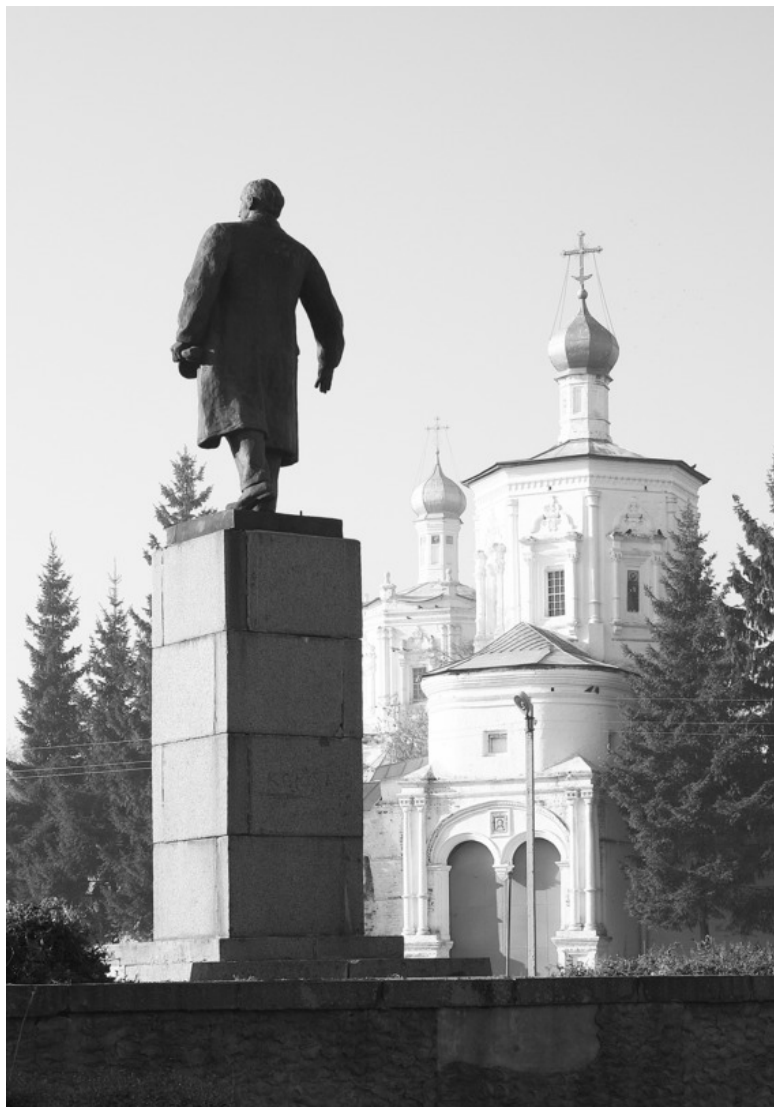

Солотчинский монастырь. Слева Духовская церковь, справа Рождества Богородицы

Это уж нам, имеющим счастье жить в централизованном государстве, может казаться, что железная поступь прогресса привела Россию к предустановленной гармонии единства под эгидой Москвы. А современникам собирания русских земель так не казалось. И правильно. Так, глядишь, и Абрамовича когда-нибудь назовут собирателем земли русской. Он ведь тоже поставлен выкачивать наши богатства (скажем так, методом Челси). Чем не московский князь, собирающий дань для Орды? Но если он перестанет платить эту дань, будет подвешен за яйца. Если уже не подвешен – руками жены.

Князь Олег вряд ли был идейным борцом с московскими Абрамовичами. Конечно, воевал с ними по мере необходи-

мости, но вообще – просто жил, как жилось. Он был хитрец, дипломат, провокатор и воин. Если его определить одним словом, он был – трикстер.

*Памятник Ленину у ворот Солотчинского монастыря.
Надвратная церковь – Предтеченская.
Кстати, Ильич – типичнейший трикстер*

Трикстер – это персонаж, так или иначе отметившийся в мифологиях всех времен и народов. У греков он хитрый Гермес, у германцев – злой Локки, у египтян – мудрый Тот, у иудеев – Змей искушитель. В русской литературе это – Остап Бендер, в современной политике – Путин. Существо лукавое, лицемерное, коварное, часто уродливое, но одновременно и привлекательное. Покровитель воров и поэтов, создатель новых смыслов из хаоса, защитник попавших в беду. Он сам по себе, он не то и не это, но он может быть этим и тем. Все и ничто. Для него нет условностей, разграничительных линий, он сам демон границы, легко перемещается между мирами. Собственно, граница миров – это его родная стихия.

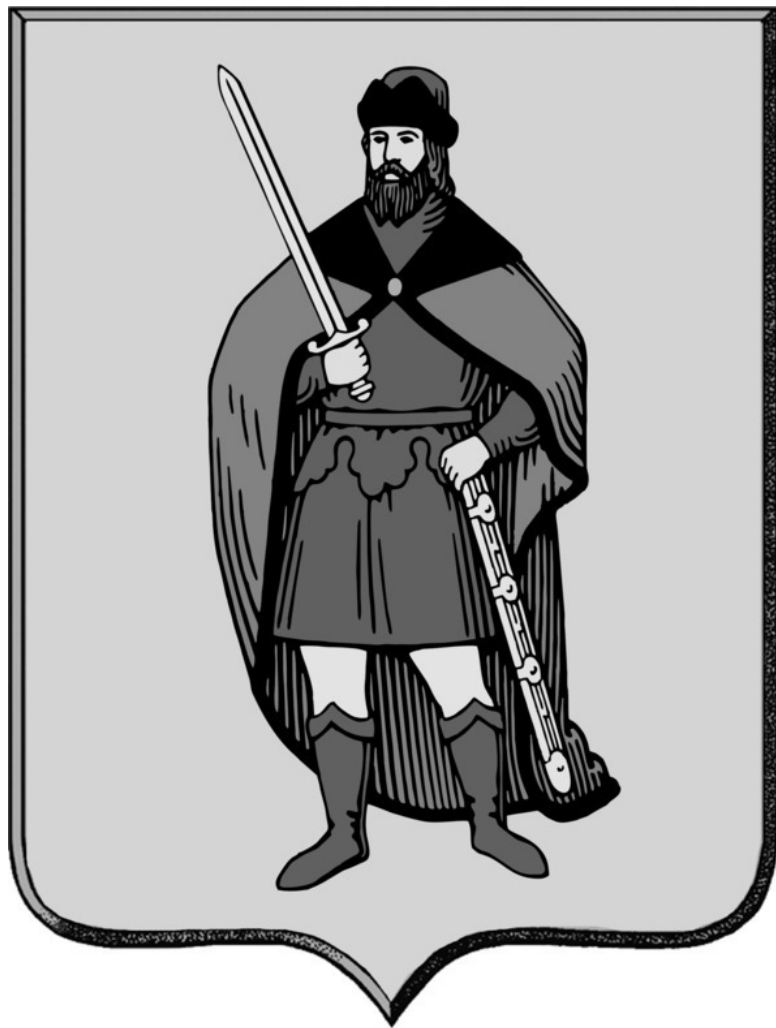
Солотчинский монастырь с юга, с берега то ли уже Солотчи, то ли еще старицы. В том месте, где я стоял, какой-то санаторий – кажется, памяти Ленина

В душе Олега Рязанского жил как раз такой пограничный демон, не принадлежащий ни к одной из противостоящих сторон. Он легко мог войти в доверие, обаять, запудрить мозги (его называли велеричивым), сделаться нужным, стать третейским судьей в спорах между князьями. Мог на время присоединиться к любой из борющихся сторон и таким образом принести ей победу. Или – поражение, если в нужный момент вдруг отойдет от нее. Что и называют предательством. Но Олег никого никогда не предавал. Он просто не замечал договоров, не принимал их всерьез. Потому, что все-

гда жил на грани – природной (лес и степь), культурной, религиозной. И эта жизнь в зазоре между мирами предопределяла его поведение игрока и партизана. Он был лицом земли, которая, если смотреть от Москвы, была южным русским фронтиром. И соответственно называлась Рязанской Украиной. Ее обитатели пестовали свою особость. Даже через двести лет после смерти Олега они все еще были не русскими, а рязанскими. Это они признали в Лжедмитрии трикстера и посадили его в Москве. А потом скovyрнули с престола Василия Шуйского. Без рязанских трудно представить Смутное время.

Сейчас мощи Олега Ивановича вдруг стали мироточить. Я, правда, не заметил ничего такого, когда стоял около них в Солотчинском монастыре, но дело не во мне. Рязанские церковные власти явно хотят интенсифицировать культ Олега. На дверях Духовской церкви, где лежит его тело, прикреплено объявление, предлагающее всем, кто что-нибудь знает о чудесной помощи благоверного князя, сообщать в монастырь. Не сомневаюсь: такая информация будет поступать бесперебойно. Ибо народ теперь предупрежден, а значит – настроен на то, чтобы замечать чудеса, которые, разумеется, были и раньше, но только терялись в потоке обыденности. Необычные явления должны быть здесь хотя бы потому, что это место уже само по себе обладает чудесными свойствами. И, конечно, мятежный дух князя Олега совсем не случайно связал свою посмертную судьбу с этой уди-

вительной поймой. Когда мы там ночевали, моей подруге Валентине приснилась говорящая собака. И сказала: здесь везде бродит смерть, но не бойтесь, вам ничего не грозит. Не знаю, как тут с православием, но видение явно исполнено трикстерским духом.

Вообще, чудесные свойства этой местности силы до сих пор проявлялись в первую очередь в ее оздоровительном воздействии на тело. Вокруг Солотчи множество санаториев, которые, собственно, можно рассматривать как точки на поверхности земли, косвенным образом указывающие на места силы. Понятно, что эти точки найдены на ощупь и наобум людьми, не разбирающимися в тонкостях фэншюя и геомистики. И все же повышенная концентрация таких учреждений на небольшой территории – явный показатель особых свойств этого места.

*Евангелист. Изразец на Предтеченской церкви
работы знаменитого мастера Степана Полубеса. 17-
й век*

Еще один показатель: в Солотчу тянуло писателей. Что есть писатель? Бессознательное существо, которое воплощает на бумаге (и в жизни) какие-то тенденции, еще непонятные обществу. Совершенно трикстерское занятие. Лучший писатель – тот, кто не понимает, что делает. Кто понимает, тот не открывает нового, а лишь повторяет общеизвестное. Так вот в 30-е годы XX века в Солотчу повадились ездить два литератора Рувим Фраерман и Константин Паустовский. Их навещали коллеги – и писали, писали... Место действовало вдохновляюще. Во всяком случае, лучшие тексты Паустовского написаны именно здесь и об этих местах. Дух Окской поймы, как я уже говорил, не чужд литературы. В частности, он создал Есенина. Это, конечно, из ряда вон выходящий поэт, но даже средней руки литератор Паустовский в «Мещерской стороне» сумел прыгнуть выше собственной головы. Поменьше бы таки одесской пошлости – все бы было совсем отлично. Но и так сойдет. Демон места вовсе не обязан обучать русскому языку и хорошему стилю, он просто облучает, или – вдохновляет.

Когда бродишь в окской пойме, голова постепенно становится легкой, а в ушах начинает звенеть. Кроме того – у меня было постоянное ощущение дежавю. А моя собака визжала от радости и норовила поваляться около каждой лужи.

Песик Осман – надежный биолокатор

Впрочем, слишком большая доза облучения, исходящего от места силы, еще никогда никому на пользу не шла. Особенно вредна передоза для людей впечатлительных. Мы это видели на примерах Ленина в Горках³² и Нилуса в Оптиной³³. Паустовский тоже, кажется, пострадал. Судя по письмам, в какой-то момент он начал хандрить, недомогать и,

---

³² См. Том Второй, главу «Сорок второе – Горки Ленинские».

³³ См. Том Второй, главу «Пятьдесят седьмое – Оптиная пустынь».

видимо, почуяв нутром причину своего нездоровья, бежал из Солотчи в Тарусу. Забавно: Таруса располагается совсем недалеко от места силы в устье Нары. То есть – симметрична Солотче.

*Озеро Ласковское недалеко от Ласкова. По его берегу ходишь,
как по батуту. Верховое болото. Когда-то здесь шаманили отец и брат Февронии*

И чтоб уж закончить: одновременно с Олегом постриглась его жена Евфросиния. Жила в Зачатьевском монастыре рядом с Солотчей. Умерла через три года после мужа и бы-

ла положена с ним в один гроб в монастырской Покровской церкви (она рухнула в 1768 году, и потому Покровский монастырь теперь — Рождества Богородицы). То, что княжескую чету положили в один общий гроб, очень напоминает финал истории Петра и Февронии³⁴. И не случайно: в десяти километрах к северо-востоку от Солотчи находится село Ласково, где когда-то русская богиня брака охмурила князя Петра Муромского. Под Солотчей миф о божественных супругах рассказывают, однако, немного иначе, чем в Муроме. По Ласковской версии: Феврония была не мудрая дева, а местная дурочка, юродивая, которая потом вышла замуж за князя. И прозывалась она не Февронией, а Хавронией. Ну что же, сказочная Крошечка-Хаврошечка тоже много страдала, но вышла замуж очень удачно.

---

³⁴ См. главу «Шестьдесят второе — Муром».

Шестьдесят пятое – Варнавино

Итак³⁵, казанский хан Улу-Магомет отпустил преподобного Макария и еще сорок человек, взятых вместе с ним при ликвидации Желтоводского монастыря. Теперь надо было похоронить убитых и быстро искать новое место для поселения. Макарий не хотел идти ни на Лух³⁶, ни на Решму, где прежде уже бывал. Решил идти в Галичскую землю, на Унжу. Тут тонкость: шел 1439 год, война за Московский престол между Василием Темным и его кузенами вступала в ожесточенную фазу. Лишь три года назад Василий Темный велел выколоть глаза плененному им Василию Косому, и теперь назревала новая схватка: Дмитрий Шемяка³⁷ против Василия Темного. Макарий основал Желтоводский монастырь при помощи Василия, теперь ему предстояло основать монастырь во владениях Дмитрия.

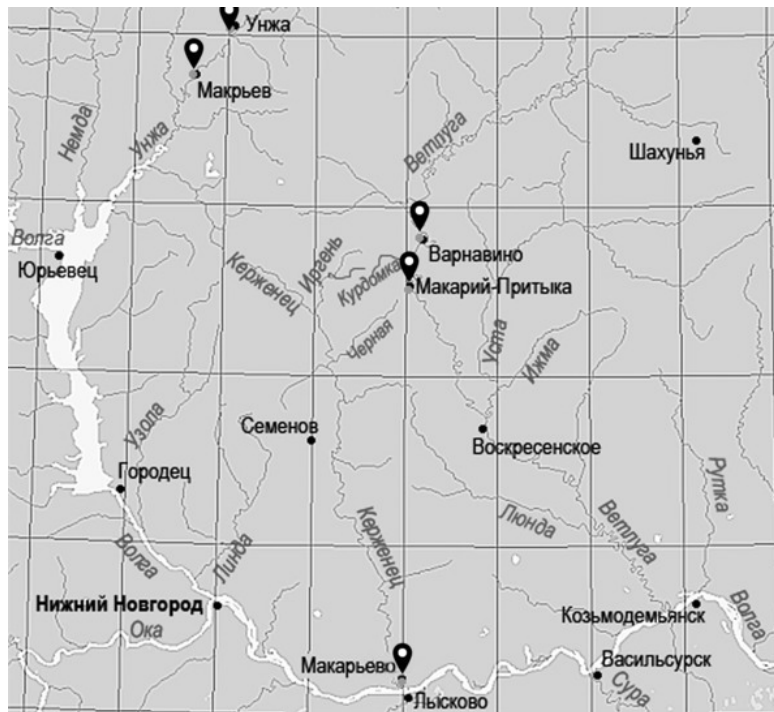
³⁵ См. Том Первый, главу «Двадцать пятое – Желтоводье».

³⁶ См. Том Первый, главу «Восьмое – Худыньское».

³⁷ См. главу «Шестьдесят седьмое – Клоп».

Село Унжа. Воскресенская церковь, она стоит на месте городского собора древнего города Унжи

От Желтоводского монастыря на Волге (Макарьево) святой поднимался вверх по Керженцу и по речкам Иргент и Курдомка переходил на Ветлугу. Мог, впрочем, перейти и по речке Черной. Казань, разумеется, лежит значительно восточнее вниз по Волге. Помечены места, так или иначе связанные с Макарием

Самый естественный путь от Макарьево на Волге к Ма-

карьеву на Унже ведет вверх по Волге до Юрьевца и далее в Унжу. Но Житие сообщает, святой шел не так. Шел лесными дебрями и по дороге побывал у Варнавы Ветлужского. Значит, надо было как-то попасть на Ветлугу. Здесь два варианта: либо возвращаться по Волге к устью Ветлуги и подниматься по ней, либо переходить на нее с Керженца, впадающего в Волгу около Желтого озера. Скорей всего Макарий выбрал второй вариант: пошел вверх по Керженцу, свернул на его приток Иргень, а там нашел волок на реку Курдомку, впадающую в Ветлугу около села Макарий-Притыка, от которого до Варнавино где-то около пятнадцати километров по Ветлуге. В Притыке много легенд о Макарии. Например, говорят, что он не шел пешком, а плавал по водам, стоя на камне. И в Притыке камень как раз приткнулся к берегу. Потому там и была построена Макарьевская церковь.

Унжа. Вознесенская церковь на кургане. Это охраняемый памятник архитектуры. Потому что это единственная в Костромской области церковь с деревянными куполами. От куполов мало что осталось, но церковь очень красивая. И место здесь очень сильное. Прямо за церковью обрыв и открывается долина Унжи

И все же заходить в гости к Варнаве – немалый крюк. А с другой стороны: святому, посмертная слава которого связана с подвигом³⁸ Ивана Сусанина, очень даже к лицу не искать прямых путей. Он все время в дороге. Эпизоды, когда он останавливается (даже надолго), описаны в его Житии

---

³⁸ См. Том Первый, главу «Седьмое – Чистое болото».

как бы между прочим, чтобы только сказать, что на месте его остановки возник монастырь или церковь. Даже после того, как Улу-Магомет его отпустил, наказав поскорее убраться, Макарий умудрился основать монастырь прямо у него под боком (Свияжский, когда-нибудь я опишу это место). Русский Гермес, дух дорог и коммерции, он, по сути, и умер в пути, когда приходил в город Унжу из своего лесного уединения.

О посмертной судьбе Макария и его Троицком монастыре в городе Макарье на реке Унге поговорим особо. А пока – о пути, которым он туда добирался. В Житии этот путь описан в стиле путешествия к Земле Обетованной, а церковные песнопения прямо аттестуют Макария вторым Моисеем. По-моему это даже оскорбительно, но попам надо было поставить в приличный (для них) библейский контекст народную веру в то, что Макарий (ко всему прочему) покровитель пленных и избавитель от плена. Вера реальна – Макарий и точно спасает людей от неволи. Но Моисей и египетский плен здесь совсем ни при чем.

Это не спутники Макария, это собор костромских святых. О некоторых из них здесь уже рассказано. В центре с развернутым свитком сам Макарий. Слева от него с иконой Авраамий Городецкий (см. текст «Умиление»), справа – Тихон Лухский («Худынское»), еще дальше справа Ферапонт Монзенский («Ферапонт»), а над ним – Иаков Железнобор-

ский (опять-таки см. «Ферапонт»). Варнава стоит во втором ряду над Авраамием. Остальные святые, изображенные на этой иконе: слева от Варнавы – Паисий Галичский, перед ним Геннадий Любимогородский. Пахомий Нерехтинский стоит позади Тихона Лухского

Макарий и его товарищи шли на Унжу сквозь дикие дебри, питались подножным кормом. Однажды поймали сохатого, но в то время как раз был Петров пост. Макарий счел целесообразным дать свободу животному. Как можно, померем! Ничего. Святой велел отрезать правое ухо у лося и отпустить. А когда пост закончился, безухий лось вернулся к путникам и безропотно дал себя зарезать. Это окончательно убедило всех в том, что с Макарием не пропадешь. А также и в том, что не стоит так уж печься о крове и пище. В нужный момент все само явится. По крайней мере, по дороге на Унжу так и бывало: приходили лоси, олени, другие животные и добровольно предоставляли себя в пищу путешествуящим. Отсюда урок: не беспокойся о завтрашнем дне, не накликай на себя беду. Ибо – чем больше ты беспокоишься, тем скорей будешь съеден. Лось не был обеспокоен и был съеден вовремя.

Картина советского художника Николая Бурдастова, изображающая Варнаву над Ветлугой

Так, значит, Макарий вместе со всем своим кагалом за-
явился к Варнаве Ветлужскому. Это был человек замечатель-
ный. Он принадлежал к Устюжской школе русского монаше-
ства. Как Макарий принадлежал к Нижегородской, а, напри-
мер, Авраамий Городецкий³⁹ – к Московской (и всех их по-
чему-то тянуло в Галичскую землю). В свое время он был по-
пом в Великом Устюге, но потом потерял семью и постриг-
ся в монахи. В 1417 году отправился вверх по течению ре-
ки Юг, затем перешел на Вохму, приток Ветлуги, и дальше
уже сплавлялся вниз по течению. В одной из излучин Вет-

---

³⁹ См. Том Первый, главу «Тринадцатое – Умиление».

луги его плот прибило к берегу. Странник пошел побродить по окрестностям. Поднялся на гору (которая теперь называется Красной), восхитился видом на реку, обнаружил родник под горой, понял, что это его место силы. И в нем поселился. Место, действительно, самое подходящее для отшельника. людей никого, вокруг лишь леса и дикие звери, с которыми Варнава тут же вступил в дружеские отношения: беседовал с птицами, возил дрова на медведе. Впрочем, люди все-таки вскоре появились. Это были черемисы (мари́йцы). Варнава дивился их нравам, учил их язык, а изучив – проповедовал.

Вид на Ветлугу с Красной горы

Но только он проповедовал не так, как его земляк Стефан Пермский проповедовал народу коми. Стефан все-таки был понапористей: создал для своих подопечных алфавит, переводил на коми язык Писание, нарисовал Зырянскую Троицу. И вообще – вел себя агрессивно: собственноручно рубил священные деревья, состязался с шаманами в мистическом реслинге. А Варнава был человек мягкий, мирный, политкорректный. Он не утверждал православную веру при помощи топора, просто рассказывал библейские истории о великих преимуществах быть иудеем. На это мари́йцы, веротерпимые, как и все настоящие язычники, отвечали ему: да, конечно. А потом, как бы невпопад, популярно могли объяснить, что когда великий бог небес и творец всего сущего Кугу Юмо призвал представителей разных народов к себе, чтобы дать им религии, мари опоздали к раздаче. И вот русские получили Христа, татары – Магомета, а сами они, черемисы, никого не получили. Но не слишком расстроились, потому что могли, как и прежде, поклоняться творцу Кугу Юмо, а также – его прекрасной дочери Пиамбар. Я даже не знаю, что мог возразить на это Варнава. Убеждать черемисов в том, что мир сотворил не Юмо, а еврейский бог Яхве, было бы глупо. Ибо – Юмо все знают, а кто такой Яхве? И кто такие эти евреи?

Варнава Ветлужский. Судя по силуэту, на иконе изображен Никольский храм, где под спудом покоились мощи святого. На снимке из космоса хорошо видна Варнавинская излучина Ветлуги, текущей на юг

Варнава умер в 1445 году, и полюбившие его черемисы похоронили отшельника на вершине Красной горы, как человека святого. А монастырь в том месте возник где-то только лет через сто после смерти Варнавы. Возник как крепость на ветлужской границе⁴⁰ с Казанью. Пользуясь покровитель-

⁴⁰ См. главу «Шестьдесят третье – Бабья гора».

ством московских властей, он быстро рос, богател. В 1639 году Варнава был причислен к лику святых, поскольку от его мощей, лежащих под спудом в Никольском храме, построенном на месте его захоронения, было много исцелений. И вообще – много всяких чудес.

Например, перед революцией Варнава явился одному полицейскому чиновнику. Было так: молодежь собралась отметить Первомай за Ветлугой, а начальство отправило этого чиновника (его все звали по-свойски Григорич) последить за ребятами. Потихоньку. Но шпион был быстро раскрыт и приглашен за революционную трапезу. Напился до хрюканья. Очнулся от холода на рассвете – один одинешенек. Участники шабаша уехали в город на лодках. И лодку Григорича с собой захватили. Бедняга по берегу мечется. Вдруг на городской стороне реки замечает что-то неладное: буквально из-под Красной горы, вылезает старик исполинского роста, с длинной седой бородой. Шпик сразу понял: Варнава! И – на колени: «Прости окаянного». А старик встал над рекой во весь рост и пальцем грозит. Этого Григорич не выдержал, завопил. Когда за ним приехали, был совсем невменяем. Бежал из города и где-то там умер.

Современная Варнавинская церковь

Сегодня на Красной горе стоит деревянная церковь во имя Варнавы. Новодел, никаких строений от монастыря не осталось. Он был закрыт в 1764 году при Екатерине II, а большевики продолжили дело, начатое императрицей. Впрочем, сохранились причудливые деревья старого парка, какие-то надгробья, Варнавин источник внизу под горой. Там, где славные черемисы похоронили отшельника, поставлен крест, но под ним никто не лежит. Дело в том, что примерно в те времена, когда незадачливый Григорич имел несчастье увидеть Варнаву, река подмыла Красную гору, и была опасность, что Никольская церковь, построенная над мощами святого, обрушится. Поэтому их перенесли в Троицкий храм на городской площади, где положили уже не под спудом, а открыто. Это было в 1914 году, ну, а дальше – революция, атеизм, изъятие церковных ценностей.

Парк и старое кладбище на Красной горе

Варнава лежал в массивной серебряной раке. Ее надо было оприходовать как церковную ценность, но – как быть с мощами? Шел 1922 год, по Ветлуге только что прошли крестьянские бунты. Никто не желал брать на себя ответственность (а главное – реально расплачиваться) за надругательство над любимым народом святым, который, большевики в это свято верили, вполне может постоять за себя. Уездные власти кивали на губернские, те – на Москву. Дело Варнавы дошло до ЦК. Товарищи Ленин, Троцкий, Сталин и прочие самолично решали, что делать. Решили, естественно, раку забрать, а мощи куда-нибудь удалить. Так и сделали. Удале-

ние поручили комсомольцу Калинин. Он взял мешок с мощами и зарыл в овраге. А когда пришел домой – там несчастье: корова как-то сумела провалиться в погреб и переломать себе ноги. Скотину пришлось заколоть. Калинин правильно понял намек: пошел в овраг, откопал мощи и вернул их в церковь.

Сруб над Варнавинским источником

И вплоть до 1937 года никто уже больше не покушался на Варнавины мощи. Правда, когда разрушали Троицкий собор, они были перенесены в кладбищенскую церковь. Но поклоняться святому не запрещали. Когда же отца Павла, священника кладбищенской церкви, расстреляли, мощи исчезли. Одни говорят, что, почувствовав, что за ним вот-вот придут, отец Павел похоронил Варнаву где-то на кладбище. Другие рассказывают, что забиравшие священника чекисты велели какому-то забулдыге закопать мощи. Тот пошел, а вернулся уже не в себе. Все бубнил про какую-то черную собаку с горящими глазами, которая за ним увязалась на кладбище.

Тут староста Варнавинской церкви, который мне это рассказывал, с сомнением посмотрел на моего лабрадора Османа. Черный кобель, склонив голову несколько вбок, внимательно слушал. В его глазах отражались лучи заходящего солнца. Хороший песик. Так вот, продолжал староста, наутро у того человека отнялся язык, а еще через несколько дней он скончался. Так и неизвестно, куда делись мощи.

*Крест на месте Никольского храма,
где когда-то лежали мощи Варнавы*

Об этих мощах я много раз слышал в разных местах. Один священник из города Любима⁴¹ (Ярославской области) рассказывал мне, что когда мощи Варнавы пытались выкопать, земля над ними сделалась такой твердой, что ломались кирки и лопаты. Это преувеличение. На месте оказалось, что: нет, не ломались. Но суть не в этом. Суть в том, что верующие священники и миряне, наблюдая, как в целях пиара эксплуатируют мощи святых, очень этим смущаются. И в их среде рождаются легенды, смысл которых: видно, так надо, но если святой не захочет, никто его мощами завладеть не сможет. Староста Варнавинской церкви тоже сказал: вы знаете, может и правда, что Варнава не хочет, чтобы были обнаружены его мощи. Вы сами видите, какое сейчас время (он посмотрел выразительно), понимаете? Наша городская администрация тоже пыталась искать, посылали на кладбище пьяных мужиков. Да разве так можно? От таких искателей мощи только глубже под землю уйдут. А Варнава, если захочет, он свои мощи явит.

---

⁴¹ См. Том Четвертый, главу «Девяносто шестое – Любим».

Унжа. Вид от села на долину реки Унжи

Макарий провел у Варнавы несколько дней и двинулся дальше, на Унжу. Там его уже ждали. Меркантильные жители города Унжа надеялись, что святой построит у них монастырь и таким образом оживит торговлю. Зря надеялись. Не для того святой искал одиночества, чтобы обосноваться в большом (по меркам того времени и тех мест) городе. Оставив большую часть своих спутников в Унже, Макарий отправился дальше⁴². И нашел прекрасное место на высоком берегу реки Унжи. Там и возник монастырь, а рядом с ним город Макарьев, со временем оттянувший от города Унжи

---

⁴² См. главу «Семьдесят третье – Макарьев».

весь драйв торговли. Где Макарий, там и коммерция – это факт непреложный.

А там, где когда-то стоял город Унжа, теперь захолустье. Зато место ничуть не затоптано. Прекрасное место силы: старые церкви, вид на долину Унжи такой, что сердце сжимается, энергетика мощная. И как ни приедешь – радуга. Если б Макарию сегодня пришлось выбирать себе место для подвигов, он выбрал бы Унжу. Недаром же он пришел сюда умирать.

Унжа. Макарьевская церковь.

Она стоит на том самом месте, где умер Макарий

Шестьдесят шестое – Святые горы

Весной 1563 года на берегу речки Луговки пятнадцатилетнему пастушку из Воронича явилась икона Богородицы. По типу – Умиление⁴³. Дело было под вечер, икона парила в воздухе, вокруг нее сиял ореол. И слышался голос: не бойся, Тимофей (так звали мальчика), иди на Синичью гору – увидишь благодать.

*События разворачиваются в треугольные
Святогорский монастырь – Михайловское – Тригорское*

Тимофея в округе считали юродивым. Как теперь выражаются – с припиздью. Это может означать, что человек под-

⁴³ См. Том Первый, главу «Тринадцатое – Умиление».

вержен шаманской болезни: слышит голоса, видит видения, ведет себя не совсем адекватно – с точки зрения людей, погруженных в обыденность. А на самом-то деле – какая же это болезнь, если человек видит и знает больше, чем другие? Нет, тут скорее, продвинутость в недоступные непосвященным сферы. Короче, пастух бросил стадо и отправился на Синичью гору, благо это недалеко от реки. Пришел, когда уже темнело. Ничего примечательного не обнаружил, стал молиться и так провел почти всю ночь. Под утро ему снова является та же икона и снова голос: Тимофей, это место избрано для явления милости божьей, но – не теперь, через шесть лет. Далее пастушку было предложено готовиться к тому, что будет здесь явлено в указанное время. Буквально: «Пребуде во всех добрых делах». По сути это очень похоже на объявление срока искуса перед посвящением.

Лестница на Синичью гору. На ней Успенская церковь

Вернувшись домой, Тимофей никому ничего не сказал, но нашел в Вороничской Георгиевской церкви ту самую икону Умиление, которая являлась ему в месте силы. И все шесть лет постоянно молился ей. А когда настал срок, отправился на Синичью гору. Точнее – на соседнюю, которую потом стали называть Тимофеевой. Выкопал в ней нору и стал наблюдать. Прошло сорок дней. Вдруг на Синичьей горе свет, а в воздухе благоухание. Поднялся на Синичью, увидел на громадной сосне икону. Но не ту, которая ему являлась раньше, а другую: Богородицу Одигитрию небольшого размера (пяденицу). И услышал голос: ступай в Воронич, скажи там, чтобы взяли в Георгиевской церкви икону Умиление и шли сюда крестным ходом.

Тимофей все исполнил: пришел, рассказал. Но только никто ему не поверил. Кто же поверит юродивому, не зарекомендовавшего себя чудесами? Даже поп Никита над ним посмеялся, весьма оскорбительно. И тогда все же чудо случилось: поп повредился в уме. Чудо, собственно не в том, что поп сбрендил, а в том, что когда его повели для вразумления в церковь, он там услышал суровую отповедь от иконы Умиление: если не исполнишь того, что сказал Тимофей, то здесь и умрешь, а дом твой расхитят. Когда отец Никита пришел в себя, сразу стал уговаривать всех идти на Синичью гору.

Двинулись в девятую пятницу⁴⁴ по Пасхе. Когда пришли на берег Луговки, где Тимофею впервые явилась икона, начались исцеления. Дальше – больше... На Синичьей горе увидели икону. Народ хотел взять ее, но она ускользнула и стала парить над толпой. Спустилась только в руки Тимофея.

---

⁴⁴ См. главу «Семьдесят девятое – Пайгарма».

*Чудотворная Одигитрия взята в серебряный оклад.
На окладе икону несут два ангела, внизу под иконой дерево*

и Тимофей,

преклоненный перед той же иконой в момент ее обретения

Вскоре эта история дошла до Ивана Васильевича Грозного. Он приказал разобраться. Приехали следователи, расспросили людей, удостоверились в многочисленных чудесах. Было велено рубить часовню на месте явления и ставить в ней обе иконы. Но едва часовню построили, как она ни с того, ни с сего вдруг сгорела. А иконы остались. Их нашли в пепле совершенно невредимыми. Это окончательно убедило начальство: на Синичьей (теперь ее называли Святой) горе – из ряда вон выходящее место силы. Решено было ставить там монастырь. А конкретно на месте явления Одигитрии – строить каменную церковь во имя Успения Богородицы. Замечательно то, что престол этой церкви оказался (так подгадали) точно на пне той сосны, на которой явилась икона. Православные, как видно, решили радикально побороть место силы на Синичьей горе: во-первых, переименовать гору, во-вторых, уничтожить сосну, отмечавшую точку выхода энергии, и, в-третьих, сразу накрыть это место несгораемой каменной церковью. Обычно-то сначала ставили деревянную, а тут – сразу каменная: деревянную-то, вишь, может и попалить.

*Синичья (Святая) гора и Успенская церковь на ее вершине.
Характерный псковский декор*

Так возник Святогорский монастырь, предохраняющий округу от несанкционированных выбросов силы. А Тимофей куда-то исчез. Говорят, он отправился в Новгород рассказывать о чудесах открытого им места силы, но был принят там за юродивого бродягу, взят под стражу и умер в неволе (по другой версии – просто неожиданно умер).

Сейчас Святогорский монастырь известен в первую очередь тем, что в нем похоронен Пушкин. В апреле 1836 года поэт купил себе место для могилы на Синичьей горе (буквально – в нескольких шагах от теперь уж, конечно, истлев-

шего пня той сосны, на которой Тимофею явилась икона) и стал интенсивно искать себе смерти. Убили его менее чем через год.

Могила Пушкина. От нее с высоты далекий вид на окрестности. Слева могила африканского предка. Снимок сделан от угла Успенской церкви

Собственно, Пушкин мог присмотреть себе это место очень задолго до смерти. В 1824 году он был сослан в Михайловское под духовный надзор игумена Святогорского монастыря Ионы. За «афеизм». Разумеется, добродушный игумен не мог (да и вряд ли пытался) обратить непутевого бари-

на из его юношеского атеизма в православие. Пушкин лишь иногда посещал Иону, распивал с ним наливки, записывал его соленые словечки и вставлял их в «Бориса Годунова». Никакого иного интереса к православию не проявлял. Хотя вот: когда умер Байрон, заказал панихиду по «боляри-ну Георгию». Но не сказал монахам, по какой погибшей душе они служат. Со стороны Пушкина то была, в сущности, легкая форма кощунства, небольшой маскарад. И из тех же карнавальных побуждений поэт иногда болтался по округе в чудной красной рубахе. Изображал из себя мужика. Шутил. Прямо как его Дон Гуан все шутил, пока однажды каменный истукан не явился за ним: «О, тяжело пожатье каменной десницы!»

Рисунки Пушкина. Слева автопортрет в монашеском клобуке с бесом (написано: «Не искушай (сай) меня без нужды». 1829 г. Справа игумен Святогорского монастыря Иона. 1824 г.

Впрочем, Пушкин это напишет позднее и – в другом месте (в 1830 году в Болдино). А в Михайловском (в 1826 году) он еще только задумал «Каменного гостя». Написал же «Пророка». Эти тексты очень схожи – в том смысле, что в обоих рассказано о явлении некоего потустороннего существа. В «Пророке», однако, гораздо подробнее представлено то, что бывает с субъектом, попавшим в руки неведомой силы. Тут дело не ограничивается каменным рукопожатием. Тут тебе вырывают язык, рассекают грудь и оставляют лежать расчлененным трупом на перекрестке.

Если называть вещи своими именами, в «Пророке» описана процедура посвящения в шаманы. В разных местах и в разных культурах детали этого посвящения немного разнятся⁴⁵, но, так или иначе, дело повсюду сводится к тому, что человека, уже погруженного в шаманскую болезнь («Духовной жаждой томимого»), вскрывают, вынимают важнейшие внутренние органы и заменяют другими. Язык меняют на жало змеи, сердце на пылающий уголь. Глаза и уши тоже ставят другие, хотя Пушкин на это лишь намекает. Такая операция делает посвященного причастным трем мирам

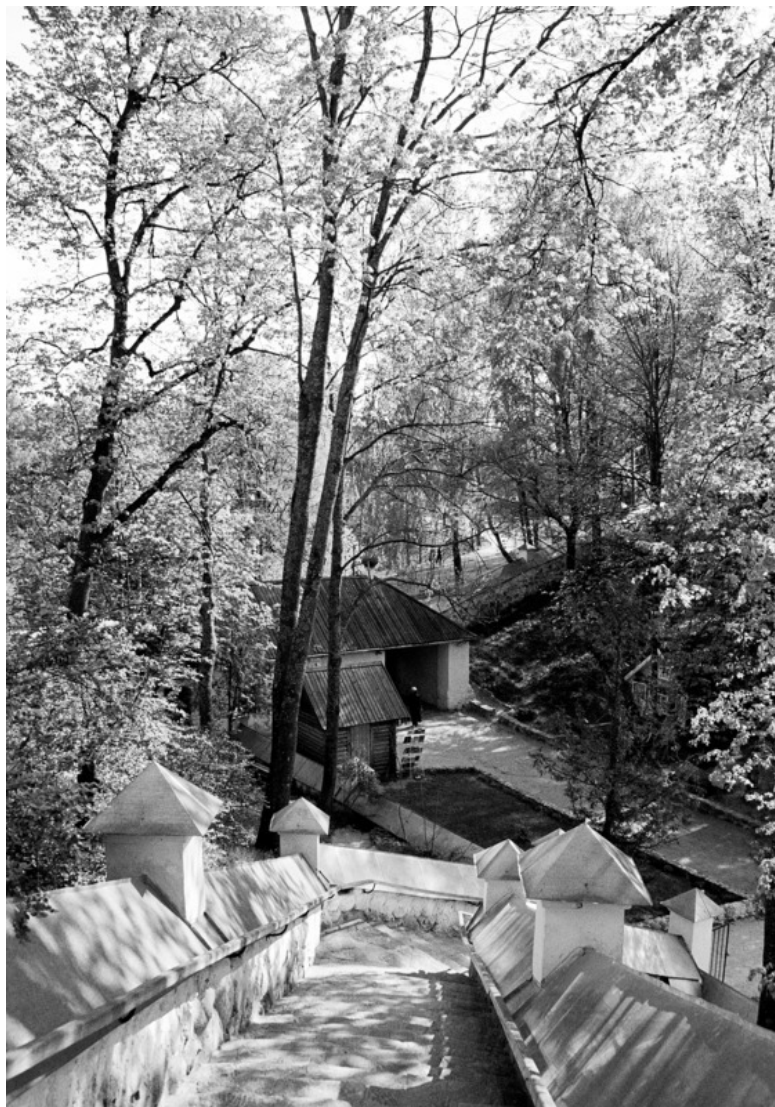
---

⁴⁵ См. Том Второй, главу «Пятьдесят девятое – Бабье озеро».

(«и горний ангелов полет, и гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье»). И позволяет в дальнейшем жечь сердца. Но только это не то, что называется «афтар жжот». В «Пророке» ни слова нет ни об авторстве, ни о литературе. Только шоковый опыт столкновения с реалиями иного мира.

Под Синичьей горой. Уголок Святогорского монастыря

Вид с Синичьей горы на вход в монастырь

Пушкин был литератор, и потому его «Пророк» обычно воспринимается как литературная фантазия. Считают, что автор поэтически переложил шестую главу Книги пророка Исаии. Ну, может быть, серафима он взял и оттуда – чтобы хоть как-то назвать демона, который проводил над ним болезненную операцию. Но вообще-то в Книге Исаии нет ничего похожего на то, что описано у Пушкина. Ничего шаманского, а одно лишь нытье еврейского бога по поводу того, что его народ его не слушается, и поэтому надо его наказать. Надо, конечно, но Пушкину-то какое дело до этого? Он подвергается жесточайшей переделке всего своего существа, и проблемы евреев его не волнуют, пусть с ними их бог разбирается.

У ворот Святогорского монастыря

Что же касается того существа, которое фигурирует в «Пророке» под именем Шестикрылый, то – это, конечно, не серафим. Смотрите: явился «на перепутье». То есть – на перекрестке, а это по русским поверьям место особое. Очень опасное, но и благое. Там человек попадает во власть всяких демонов. Которые могут вредить ему, но иногда помогают. Именно на перекрестке проводят обряд посвящения в колдуны (то есть – в шаманы). Все ритуалы известны. Только, конечно, не надо думать, что какие-то псковские му-

жики пригласили поэта на перекресток дорог где-то между Михайловским и Тригорским да и подвергли его там обряду инициации: вырвали язык, рассекли грудь, вынули сердце. И пока он лежал как труп, вставили взамен – что у них там положено: угли с масленичного костра, сушеное жало змеи, обрядили в красную рубаху: иди, мол.

*Святогорское место силы из космоса.
Перекрестков здесь более чем достаточно*

Как труп в пустыне я лежал. Это рисунок Пушкина 1821 года. Как видим, уже тут и камлания, и виселицы, которых в набросках Пушкина стало особенно много после казни декабристов, и, конечно, манипуляции над скелетом, столь необходимые при посвящении в шаманы

Нет, это все лишь страшилки для непосвященных. А любой посвященный (если на то будет санкция) скажет вам: да, и язык вырывают, и грудь рассекают, и сердце ампутируют, и кости вываривают. Но все это – в другом, так сказать, измерении. В той реальности, где на перекрестках встречаются духи, которые и проводят соответствующую операцию, пока ты здесь, в мнимой реальности человеческого консенсуса, лежишь три дня, обездвижен, как труп. Иное измерение – это ведь вовсе не значит, что человек подвергается лишь

воображаемой и потому безболезненной операции. Во-первых, не воображаемой. А во-вторых, очень даже болезненной, никакого наркоза. Все по-взрослому. Некоторым, правда, кажется, что если у соискателя силы прямо здесь и теперь не вырезать сердце, то никакого посвящения и не случится. Не надо, однако, путать две разные практики: ритуальное убийство⁴⁶ и посвящение. Посвященный получает возможность еще в этой жизни видеть то, что мертвец увидит за гробом. Видеть иную реальность, которая – вот она, прямо перед тобой, надо только научиться ее различать за световыми покровами дня⁴⁷. За встроенной в наши глаза пеленой просвещения. Пелену можно снять.

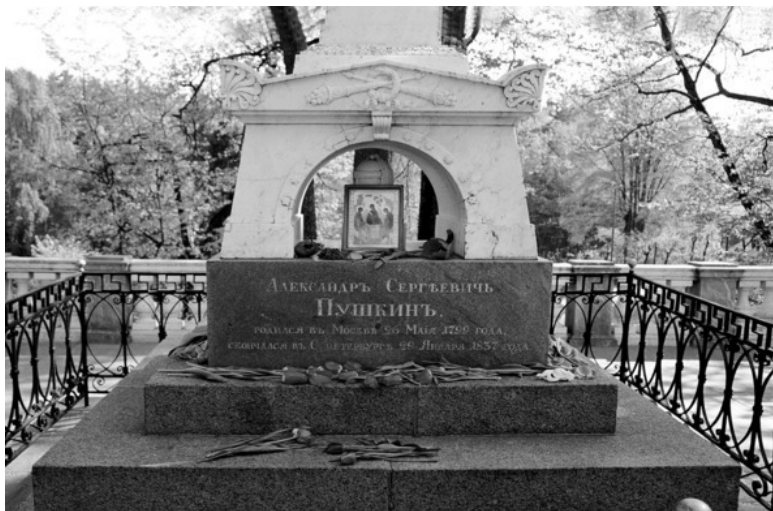
⁴⁶ См. Том Второй, главу «Пятьдесят шестое – Тицновское святилище».

⁴⁷ См. Том Четвертый, главу «Сто третье – Глушица».

*Стена Святогорского монастыря
опоясывает Синичью гору по ее подножью*

Шаманская болезнь началась у Пушкина гораздо раньше, чем он был сослан в Михайловское. Симптоматика налицо: он слышал голоса, которые превращал в стихи, видел видения, которые трансформировались в каракули на полях его рукописей. Иногда он юродствовал, постоянно валял дурака. И еще один важный симптом – сонливость («читаю мало, долго сплю»). Наблюдая все это, любой маломальский шаман мог заключить: из этого малого выйдет толк, если над ним поработать. Батюшков, сам не чуждый поэтических камланий (правда, он кончил уже полным безумием), писал о Пушкине: «Не худо бы его запереть в Геттинген и кормить года три молочным супом и логикою». Что это, если не намек на необходимость изоляции перед посвящением. Уж не знаю кто, но явно кто-то очень разумный и страшно влиятельный наконец-таки понял, что надо делать. Пушкин был изолирован в Святогорском месте силы. Где и пересидел восстание декабристов, и пережил инициацию.

Рублевская Троица на могиле Пушкина

Эти два события тесно связаны. В момент восстания Пушкин рвался в Петербург. Но возникли препятствия: сперва слуга заболел (белая горячка), потом у ворот ему встретился поп (примета ужасная), потом заяц трижды перебежал дорогу. Нет, это уж слишком: Пушкин вернулся, и это спасло его. Судя по письмам, в то время он уже стал понимать, что скоро вернется из ссылки, надо только пройти посвящение. Шестикрылый, конечно, приурочил это к казни декабристов. 13 июля 1826 года пять человек были ритуально убиты (приговорили их к четвертованию, но из милосердия просто повесили). А Пушкин испытал мистическую вивисекцию. По-

сле этого уже можно было писать «Пророка» и возвращаться. Но царь (в жертву которому были принесены декабристы) задержал это до сентября (ему надо было пройти свое посвящение: коронацию).

Пушкинисты дружно твердят: после ссылки поэт изменился. Еще бы! Ведь он стал реальным шаманом: мог легко впадать в транс, путешествовать в трех мирах, видеть невидимое. Об этом он рассказал во множестве текстов. Создал даже специальные инструкции по камланию (профаны их называют стихами о поэзии), где точно описывает условия впадения в транс, объясняет, как надо вести себя во время прихода («роя гостей»), демонстрирует, что шаманское путешествие это не сон, но – «как во сне» и так далее. Он много знал и много умел, но срок, отпущенный ему после ссылки, был краток. На одиннадцатый год он должен был лечь там, где его коллеге Тимофею явилась икона. Вот и спешил подвести себя под пулю.

Святые горы теперь называются Пушкинскими. Туда ехать стоит, там место силы. А вот в Михайловское и Тригорское – не советую, там одни муляжи.

Шестьдесят седьмое – Клоп

В Ильмень-озеро течет множество рек, у каждой своя повадка, но, пожалуй, забавнее всех ведет себя Веряжа. Она течет навстречу Волхову, вытекающему из Ильменя, далее – вдоль горловины Ильменя параллельно озерному берегу и, наконец, когда Ильмень перекрывает Веряже дорогу, впадает в него – как бы от безысходности. По берегам Веряжи есть места силы. Одно из них называется Клоп. Туземцы мне объяснили, что это потому, что в половодье, когда Веряжа, ее приток речка Вдова и впадающий во Вдову безымянный ручей, выходят из берегов, образуется остров, по форме напоминающий клопа. На острове стоит Клопский монастырь. Когда он здесь появился, никто не знает. Писаная же его история началась в ночь на Ивана Купалу 1408 года.

На этой карте показаны еще два места силы, кроме Клопского монастыря. Но вообще-то их там больше

Река Веряжа. Вид из-под горки, на которой стоит монастырь

Шла служба. Поп Макарий, покадив в храме, почему-то решил окадить и свою келью. Побежал, напевая канон и нащупывая ключ, но – что за черт? – дверь кельи оказалась отпертой. Макарий с опаской вошел и увидал неизвестного в черном рубище, который сидел и писал при свече. Поп со страху попятился, выскочил вон и поспешил доложить игумену о странном явлении.

Когда игумен Феодосий подошел с братией к келье, занятая неизвестным, дверь оказалась запертой изнутри. Стали стучать – нет ответа, заглядывать в окна – склоненный

монах. Внимания ни на кого не обращает, переписывает, как потом оказалось, рассказ о плавании Павла (из «Деяний Апостолов»). Что делать? Сломали двери, вошли. Человек продолжал писать.

– Кто ты? – спросил игумен Феодосий.

– Кто ты? – отозвался неизвестный.

– Ты человек или бес?

– Ты человек или бес?

Пришелец слово в слово повторял все вопросы игумена и при этом смотрел очень строго, но как-то сквозь собеседника. Феодосию стало не по себе, он начал творить молитву. Пришелец повторял за ним каждое слово. Принесли кадило, игумен сенил незваного гостя крестом и покадил на него. От ладана тот уворачивался, но – крестился в ответ. Юродствует! – решили монахи и разошлись.

Когда началась литургия, неизвестный явился в церковь и пел на клиросе вместе с другими. А потом пришел со всеми в трапезную, но не сел за стол, а направился под образа, открыл книгу и стал читать едокам. С тех пор так и повелось. Голос у него был благозвучный, дикция внятная. Всем понравился новый чтец. Жить он стал в той келье, которую облюбовал изначально, ел только чтобы не умереть, почти не разговаривал, во всяком случае, никто ничего о нем не мог узнать, даже имени.

Троицкий собор Клопского монастыря

Разрушенная колокольня Клопского монастыря. Здесь некогда был вход в монастырь, обращенный к реке, устраивались крестные ходы по Веряже. Сейчас монастырь понемногу восстанавливается

Прошло много лет. В 1419 году монастырь посетил младший сын Дмитрия Донского князь Константин. В это время как раз его старший брат, великий князь Василий I, лишил Константина удела (Устюжны и Тошни) за то, что тот отказался содействовать передаче прав наследования сыну Василия. Тут дело вот в чем: при Дмитрии Донском митрополит Алексей⁴⁸ добился того, что право великого княжения стало наследственным правом московских князей. То есть предполагалось, что оно больше не выдается ордынскими ханами каждый раз заново в виде ярлыка на княжение, а автоматически передается внутри рода. Дмитрий передал этот, так сказать, наследственный ярлык своему сыну Василию I, и тот теперь собирался передать его своему сыну Василию II (в будущем Темному). Но Юрий и Константин, братья Василия Дмитриевича, считали, что наследовать княжение должны именно братья великого князя по старшинству. В данном случае – Юрий, самому-то Константину как раз ничего не светило, поскольку старше его были еще два брата Андрей⁴⁹ и Петр Дмитриевичи. Но Константин был прин-

---

⁴⁸ См. Том Второй, главу «Тридцать второе – Низовья Нары».

⁴⁹ См. Том Первый, главу «Двадцать девятое – Колоцкое».

ципиален: едва он узнал, что задумал брат, сразу брякнул: «Этого от начала никогда не бывало». И немедленно стал изгнанником. Кто был прав в этом споре, трудно сказать (завещание Дмитрия Донского составлено очень двусмысленно, к тому же бывали разные прецеденты), но после смерти Василия I (1425) непонятки с наследованием обернулись затяжной и жестокой гражданской (а точнее семейной) войной.

Вид Клопского места силы из космоса. Монастырь сто-

ит в излуцине реки. Остров Клоп образуется в половодье, когда реки Веряжа, Вдова и впадающий в нее ручей выходят из берегов

Так вот, лишенный удела князь Константин отправился в Новгород. Настроение – словно тараканов поел, тяжелая депрессия. Размышляя о бренности жизни, несправедливости судьбы и неблагодарности брата, князь ездил по новгородским монастырям и молился. Клопский игумен Феодосий провел душеспасительную беседу с опальным гостем, а потом пригласил отобедать. Сели, человек под иконами (тот самый юродивый) стал читать – что там следует в этот день. Тут князь насторожился, стал прислушиваться, присматриваться, а потом встал, подошел к чтецу: «Михаил, это ты?» Неизвестный ответил: «Бог знает». И продолжал читать.

Хоть Клопский чтец и признал себя Михаилом, все же остается неясным – кто он конкретно. Князь Константин сказал монахам: «Вы берегите его – этот человек нам родня». Назвал и отчество: «Максимов сын». Но кем точно приходится Михаил московским князьям – не сказал. Ну и не надо. Какая нам, собственно, разница, кем именно приходился Клопский юродивый московским князьям. Важно лишь то, что в одном из самых влиятельных монастырей Новгородской земли (Феодосий вскоре будет ненадолго избран архиепископом) в преддверии решительного наступления Моск-

вы на Новгород подвизается близкий родственник московских великих князей.

Одно из чудес Михаила Клонского. Была долгая засуха

и даже в Веряже не было воды. Михаил пришел на берег реки и написал на песке: «Чашу спасения приму. На сем месте явится источник». Стали копать в этом месте и вдруг забил мощный родник. Перед пишущим Михаилом стоит игумен Феодосий

Нет, он не был агентом Москвы, он был юродивым. Но что это значит? В какой-то момент на Руси стали считать, что юродивый – это умный человек, прикидывающий дурачком. Смирение гордого ума – это, может, и очень большой подвиг, но все-таки в первую очередь это всего лишь притворство. Настоящее же юродство – отнюдь не притворство, не имитация дурачества, но – неподдельная дурачность. Которая, впрочем, вовсе не отменяет подлинный ум. Ты просто впадаешь в состояние, когда обыденный ум (умение ориентироваться в условностях мира) вдруг отлетает, и на его место приходит что-то другое: мудрость, которой уже нет никакого дела до глупых условностей. Тут как раз очень уместны и сопля до колен, и бессмысленное лопотание, и всякие замысловатые телодвижения, отличающие прорицателей от обычных людей. Но только все это вовсе не главное, а так только – шлаки общения с ангелом. Ну правда: когда сквозь тебя прорывается сверхчеловеческий голос, откуда взять время и силы на то, чтобы вытереть соплю?

Это то самое место на берегу Веряжи, где Михаил открыл родник. Вот он и виден перед кустом. Сейчас, говорят, над источником сделали сруб

Юродство мы уже наблюдали на примерах Евфросинии Колюпановской⁵⁰ и Корнилия Крыпецкого⁵¹. Случай Михаила Клопского не то чтобы вовсе особый, но все же этот блаженный по большей части ведет себя совершенно адекватно. Конечно, он не без странностей, хотя бы уже потому, что, будучи нищим монахом, держится независимо, самоуверенно, говорит как власть имущий. Но ведь он и действительно знает все наперед и может жестоко наказать любого, заслуживающего наказания. Вот, например, пропала в монастыре драгоценная панагия. Михаил подходит к некоему попу Никифору и говорит ему четко и убедительно: «Ума лишишься». И тот немедленно (и навсегда) впадает в ступор: ни ума, ни памяти. А Михаил монахам: «Раскопайте золу в печи его кельи, там найдете». И точно... Или вот: архиепископ Евфимий I, пользуясь своим положением, стал тянуть деньги с монастыря. Михаил ему строго сказал: «Мало тебе жить, а богатство здесь останется!» После этого Евфимий сразу разболелся и вскоре умер (1429). Еще: новгородский посадник Григорий Посахно запретил монахам ловить рыбу в Веряже. А если, говорит, кого поймаю, велю руки и ноги

---

⁵⁰ См. Том Второй, главу «Сорок первое – Колюпаново».

⁵¹ См. Том Второй, главу «Тридцать четвертое – Крыпцы».

переломать. Михаил ему приговор: «Сам останешься без рук и без ног». Так и случилось: несчастный посадник, застукав монахов на рыбалке, погнался за ними и был парализован.

*Клопский монастырь с берега Веряжи. Троицкий собор.
Мощи Михаила покоятся именно в нем*

Как видим, здесь нет никакого особого юродства, одна прозорливость, замешанная на мощной суггестии. Но есть и другие примеры, когда святой никого не наказывал, а просто пророчествовал. Или даже скорей – давал дельные советы. В таких случаях в его поведении могли наблюдаться и отклонения от общепринятой нормы. Например, как-

то шел он по улице Новгорода (делая, как сказано в одной житии, «во время прохождения своего некоторые странности»), увидел мальчика Ваню, стоявшего на углу, подошел, взял его за волосы, поднял выше своей головы и пророчески крикнул: «Иванец, учись книгам, быть тебе архиепископом». Этот мальчик впоследствии стал знаменитым владыкой Ионой, двадцатым новгородским архиепископом. С его смерти (1470) начался раздор, приведший к уничтожению вольностей Новгорода.

Николо-Вязищский монастырь.

Здесь лежат мощи святителя Евфимия II

Вот, кстати, об этом: 22 января 1440 года Михаил вместе с архиепископом Евфимием II, был в Вязищском монастыре (в 12 километрах к северо-западу от Новгорода). Евфимий очень любил этот монастырь, всячески его благоустроивал, вот и теперь пришел посмотреть, как движутся работы. Вдруг – колокольный звон. Это Михаил забрался на колокольню и всю благовестит. Что такое? – кричат ему. А он в полнейшем экстазе: «Ныне великая радость в Москве!» Евфимий (тут надо вспомнить: архиепископ – формальный глава Новгородской республики) спрашивает: «Да что же за радость, Михайлушка?» А Михайлушка, продолжая свой благовест, сообщает: «У великого князя Василия сын родился, Иван. Он придет, завладеет всем Новгородом, отберет у вас ваше богатство, отнимет ваши обычаи, покорит город ваш своей власти». И смеется так – радостно, добро, открыто, блаженно.

Действительно, в тот день родился Иван III Великий, но вряд ли, при всей вере в прозорливость блаженного, новгородцы всерьез приняли это пророчество. Они чувствовали себя еще вполне уверенно, а вот Москва стояла у порога великих потрясений. В 1445 году Василий Темный попадет в плен к татарам и отдаст за свое освобождение несслышанный выкуп (200 тысяч рублей, по новгородским данным),

а в 1446 году будет ослеплен Дмитрием Шемякой, который сядет на Московский престол. Казалось бы – все. Но что-то у Шемяки не сладилось. Люди стали покидать Москву, власть уплывала из рук. Уже в 1447 году этот рыжий Наполеон покинул Москву, в 1450 потерял свою столицу Галич и скрылся в Новгороде. Евфимий II и посадники приняли Дмитрия хорошо, как великого князя московского, но реально не помогли. Как ни пугал их Шемяка тем, что рука Москвы доберется до них, не поверили. Как не поверили десять лет назад Михаилу.

Конечно же, Дмитрий посетил своего родственника в Клопском монастыре. Жаловался: «Михайлушка, согнали меня с великого княжения Московского». Михаил отвечал довольно уклончиво: «Всякая власть от бога и дается им не хотящему власти и не бегущему от нее, а тому, кого сам бог помилует». Тогда Дмитрий стал просить ходатайствовать за него: «Помолись, чтобы Господь дал мне достигнуть своей вотчины – великого княжения». Тут уж блаженный сказал напрямик: «Добьешься трехлокотного гроба в Юрьевом монастыре» (он⁵² в 17 километрах от Клопского). После этого князь отправился в Устюг: поднимать северян на Василия. Но все проиграл и в начале 1453 года вернулся в Новгород. Михаил его, в общем, жалел как родного, при последней встрече все гладил по голове и приговаривал: «Княже, земля по тебе стонет». Подавал намеки: «Будь ко всем своим слугам милостив». А в это время посланцы Василия вербовали слуг Дмитрия, в частности – повара. Вскоре князь отведаёт курицы, приготовленной с мышьяком.

Со смертью Шемяки закончилась война в великокняжеском доме. Пришла пора Новгорода, как и предсказывал Михаил. Но это другая история. А здесь остается только сказать, что семейная война показала: потомки Дмитрия Донского буквально обезумели, дошли уже до запредельных степеней

---

⁵² См. Том Первый, главу «Восемнадцатое – Перынский холм».

жестокости. Вряд ли Василий Темный был лучше Дмитрия Шемяки, но русский бог почему-то выбрал Василия. Удача и люди отвернулись от Дмитрия – может быть потому, что он не был так жалок, как его двоюродный брат, меньше юродствовал, больше полагался на трезвый расчет. В конце концов, то, что произошло в 40-е годы с Московией, было как раз впадением в такую бездну, из которой уже не возвращаются. Ну, а если все-таки возвращаются, то – в ином качестве. Ведь переживший смерть и воскресший – это уже совсем не тот субъект, что жил раньше. С 50-х годов Москва уже – Третий Рим, хотя названа так она будет несколько позже – в 1492 году, жидовствующим митрополитом Зосимой⁵³.

---

⁵³ См. Том Второй, главу «Сорок седьмое – Елезарово».

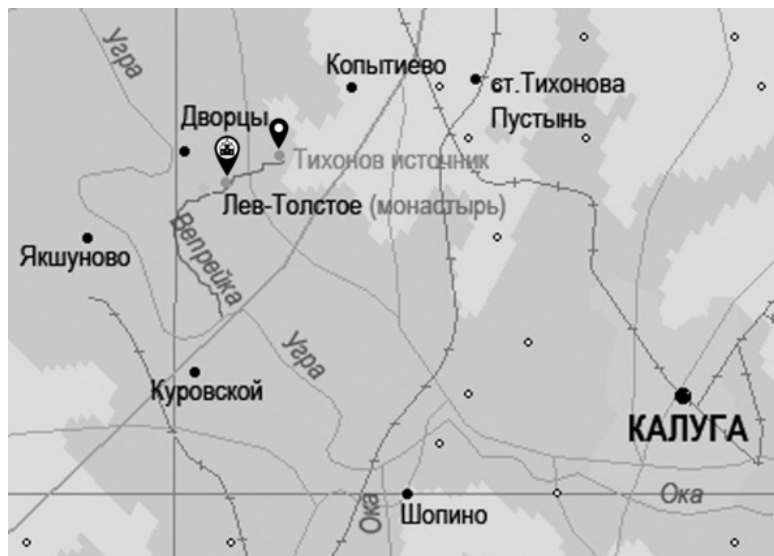
Михаил Клопский. Тут прямо на иконе его житие

И еще о Михаиле. Считается, что он умер 11 января

1456 года, то есть – ровно за неделю до того, как Василий Темный пошел на Новгород. Уже в феврале под Русой двести московских молодцов не стали ждать подкрепления, а элементарно разогнали пятитысячную новгородскую рать. Если серьезно юродствовать, то все-таки можно сказать: Михаил был агентом Москвы. Ибо он был плоть от плоти московских безумцев (если угодно – берсеркеров). В его прозрениях отражалось юродство родичей, идущих к цели через слезы, кровь и слизь глаз, выкалываемых уже потому, что глаза не нужны тому, кто видит невидимое во мраке безумия.

Шестьдесят восьмое – Лев-Толстое

От села Дворцы Угра начинает длинную излучину. На краю села установлен крест в память о Стоянии на Угре, положившем конец зависимости Руси от Орды. Туземцы рассказывают, что именно в этой излучине татары четыре дня безуспешно форсировали реку. А там, где сейчас село Дворцы, была ставка Ивана Молодого (сына Ивана III). Поэтому, говорят, село и называется Дворцы.

Верейка, текущая явно по старому руслу Угры, образу-

ет вместе с излучиной Угры очень удобную оборонительную позицию. Тихонова пустынь – железнодорожная станция. Монастырь в селе Лев-Толстое

В те времена в верховьях речки Вепрейки, примерно в пяти километрах от места этих боев, жил пустынник по имени Тихон. Его иногда называют Медынским, а иногда Калужским – по близлежащим городам. Но обрелся он, собственно, там, где теперь стоит село Лев-Толстое. О Тихоне известно мало: постригся в Кремлевском Чудовом монастыре, потом ушел на Угру, где поселился в дупле огромного дуба. Умер в 1492 году. Вот практически все. Есть, правда, еще одна интересная деталь, связанная с владельцем тех мест князем Ярославом, сыном героя Куликовского сражения Владимира Храброго. Как-то раз Ярослав отправился на охоту и наткнулся на бродягу, сидящего в дупле дуба, на Тихона. Почему-то князю это так не понравилось, что он стал орать: вон! И даже – замахнулся плетью. Да так и остался с поднятой рукой, буквально одеревенел.

*Тихонова пустынь. На переднем плане пруд на речке Вен-
рейке*

Церковные писатели считают, что Ярослав Владимирович попал под дурное влияние, что какие-то злокозненные люди наговорили ему на святого человека. Более того, специально привели князя к дубу, чтобы он разобрался с бродягой, поселившимся в заповедных владеньях. Козни злых людей – постоянный мотив в житиях православных святых. Злыми могут оказаться и крестьяне, справедливо опасющиеся, что отшельник устроит монастырь, который мало-помалу отберет у них землю, а потому – стремящиеся прогнать⁵⁴

---

⁵⁴ См. Том Второй, главу «Пятидесятое – Сия».

(или даже убить⁵⁵) монашествующего пришельца. А могут – и какие-нибудь язычники⁵⁶, для которых появление монаха в лесах означало начало преследований. Скорей всего на Тихона наклепали все-таки язычники. Ибо никакие крестьяне не могли претендовать на заповедные леса по берегам Угры, принадлежавшие князю.

Гнев Ярослава станет понятнее, если иметь в виду, что изначально заповедный лес – это не просто лес, в котором запрещено заниматься хозяйственной деятельностью. В первую очередь это – священный лес, кереметь, как его называют угро-финны, а по-русски – божелесье. Даже в том, что теперь именуется заповедниками, сохраняется память о том, что священный лес – это табу. А уж пятьсот лет назад всякий знал, что такое заповедное божелесье. Понимал, что здесь не место всяким бродягам, грибникам, рыбакам и охотникам, способным ненароком потревожить священную дрему лесного божества. И уж совсем не место здесь лесорубам, всегда готовым погубить священное дерево ради своих мелких нужд. Божество, живущее в дереве, обычно наказывает смертью⁵⁷ того, кто покушается на его дерево. Не жалуется и тех, кто попускает такие преступления.

---

⁵⁵ См. Том Второй, главу «Пятьдесят шестое – Тиуновское святилище».

⁵⁶ См. Том Первый, главу «Девятое – Дьяконова поляна».

⁵⁷ См. Том Первый, главу «Пятнадцатое – Недума-река».

Лес на Тихоновом источнике сейчас, конечно, изрядно затоптан

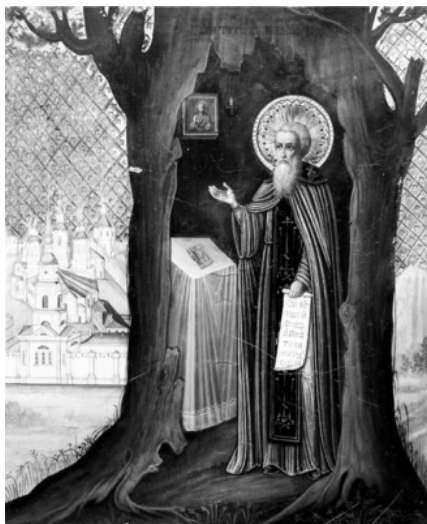

Дерево и камень напротив закрытого входа в Успенский собор Тихонова монастыря. Это, конечно, просто дерево и просто камень, но это как бы модель всякого святого места: дерево, камень, дух...

Я вовсе не хочу сказать, князь Ярослав был убежденным язычником, но – он точно был православным. То есть человеком, поклоняющимся деревьям, камням и источникам – под видом поклонения христианским святым, жившим, как правило, очень давно и неизвестно где. Собственно, людям, которых насильно окрестили, ничего иного и не оставалось, как только принять религию еврейского бога в Византийской интерпретации и переработать ее⁵⁸ в себе так, чтобы от чуждой религии остались одни имена. Это нормальная реакция крепкого организма на прививку чужого ростка. Но бывают и осложнения. В ситуации двоеверия основная проблема – постоянная путаница, болезненные недоразумения, иммунные реакции неузнавания. Вот, скажем, князь Ярослав – за кого он принял мужика, сидящего в дереве? Скорей всего, как и сказано в житие Тихона, за монаха. И потому так возмутился. Это и есть одно тех из недоразумений, о которых я говорю.

---

⁵⁸ См. Том Первый, главу «Семнадцатое – Волосово».

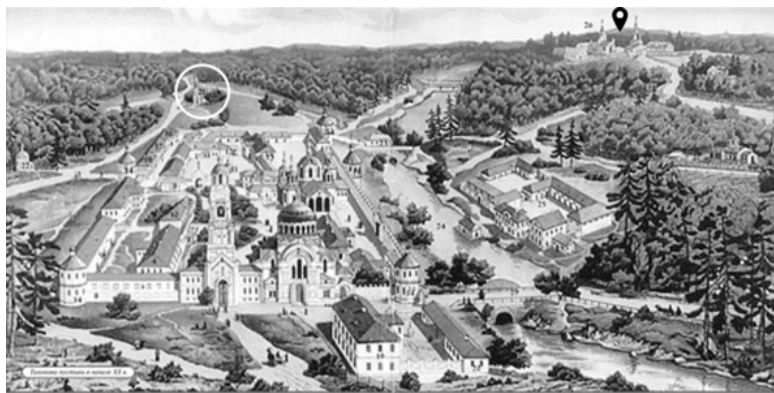
Слева Тихон Медынский в своем дубе. Неплохо обосновался.

Справа Зырянская Троица Стефана Пермского

Посмотрим на икону Тихона. Что на ней изображено? Дерево, в котором живет человек, а в стороне – монастырь. Это хорошая иллюстрация двоеверия: дух дерева, облаченный в монашеское одеяние. Конечно, в такой ситуации легко принять духа дерева за монаха, особенно – если тебе назойливо объясняют: нет, это не дух, это просто монах залез в дупло. Бывает. Вот, скажем, Павел Обнорский⁵⁹ три года прожил

⁵⁹ См. Том Первый, главу «Девятнадцатое – Нурма».

в дупле липы. Однако его не изображают внутри ствола. Потому что из его биографии ясно, что изначально он был человеком и лишь постепенно проникся духом дерева, отождествился с ним. А о Тихоне так не скажешь. И не только потому, что о нем ничего неизвестно. Может быть, о нем ничего неизвестно как раз потому, что он дух дерева, превратившийся в человека. Тут, впрочем, легко ошибиться. Вот и Ярослав ошибся: решил, что перед ним человек, оскверняющий лес на Вепрейке, и, надо отдать князю должное, повел себя как свинья под дубом вековым: заорал, замахнулся... Ну и стоит теперь с онемевшей рукой, в которой бессильно болтается плеть. А перед ним – мужичок, от которого зависит, останется князь в состоянии недорезанного Буратино или вернется к человеческому облику.

Так выглядела Тихонова пустынь в начале 20-го века.

Справа от монастыря пруды на речке Вепрейке. Слева вдали часовня над остатками Тихонова дуба (обведена). Справа вдали – Тихонов источник (помечен)

По церковной версии, князь раскаялся в содеянном – ну, еще бы! – после чего исцелился и предложил Тихону основать в божелесье монастырь. Духу он это предложил или человеку – не знаю, тут опять вера надвое. Но вообще, получилось удачно: обычно-то деревья, замеченные в том, что от них исходят таинственные эманации, христиане безжалостно срубали⁶⁰, а этот дуб сохранили, и он простоял еще более двух столетий, пока в него не ударила молния. В 1838 году над остатками дуба сделали часовню. Она не сохранилась.

---

⁶⁰ См. главу «Шестьдесят шестое – Святые горы».

Вход в Тихонов монастырь. В здании справа хлебный магазин.

Хлеб пекут монахи, он изумительный

У входа в монастырь я расспрашивал разных людей о том, где, собственно, рос тот дуб, в котором жил Тихон. Никто не знал. Говорили: это там где-то, в жилом квартале. Одна богомолка все-таки вызвалась проводить. Пришли в какой-то двор. Провожатая говорит: «Вот он». Там действительно растет дерево, но молодое, поэтому я спросил: «Этот вырос на месте того?» Но женщина ответила: «Нет, это тот самый, видишь какой огромный». По всей видимости, на это я нечаянно скорчил рожу недоверия. «Дурак!» – сказала

проводная и ушла. Я так опешил, что даже не сфотографировал то место, а теперь жалею. Потому что вскоре увидел во сне эту богомолку, это место и дуб, который она мне показывала. Он был огромный, полупрозрачный, внутри него был свет, как бы струящийся вверх и ниспадающий мерцанием с кроны. Вдруг на прозрачной коре я заметил огромного паука с металлическими ногами. Его туловище было желудем, выточенным из камня. «Желудь – исток дуба», – сказала моя проводная, и я очутился на Тихоновом источнике.

Вход на Тихонов источник. Видна заново построенная церковь Живоносного Источника. Старую разрушили

Этот источник стал знаменит с конца 70-х годов 19-го века. По крайней мере, записи исцелений на нем начинаются с этого времени. Судя по ним, болезни, от которых излечивал Тихон, довольно однотипны. Судороги в ногах, делающие в серьезных случаях невозможной ходьбу, тахикардия, тяжесть и боли в области сердца, ревматические явления, головные боли. Часто эти симптомы сочетались и сопровождались ужасной тоской, доходящей до устремления к суициду. Явная психосоматика. Никакие лекарства тут не помогали, но после купания в источнике всю эту симптоматику как рукой снимало. Я окунулся в купель на источнике и проснулся⁶¹.

В советское время этот источник заливали цементом, чтобы отвлечь людей от предрассудков. А в более раннее время христианские фанатики вырубали и жгли священные рощи – с той же целью. И на месте древних святилищ ставили церкви, посвященные угодникам еврейского бога. Например, Стефан Пермский безжалостно рубил священные березы коми-зырян, а взамен предлагал молиться иконе, которую сам же и нарисовал, Зырянской Троице: три ангела под сенью дуба, а сбоку Сарра и Авраам. Одной рукой, значит, уничтожал живой культ дерева, а другой насаждал абстрактный

---

⁶¹ См. главу «Шестьдесят девятое – Дунилово-Горицы».

культ далекого бога, который – вот нерв двоеверия – изначально был духом дерева же. На Стефановой иконе внизу белая полоса, на которой по-зырянски (а он создал специальный алфавит, чтобы перевести на коми-язык слово божье) написано: «И явился ему Господь у дубравы Мамре, когда он сидел при входе в шатер свой во время зноя дневного. Он возвел очи свои и взглянул, и вот, три мужа стоят против него» (Быт. 18, 1—2) и т. д. Это о видении Авраама. Вообще-то шаманы Пермских лесов наблюдали подобного рода явления постоянно. Стефану нужно было, чтобы мы, зыряне, забыли об этом, а помнили только о том, что случилось в баснословные времена чуть севернее Хеврона, в месте силы еврейского бога.

На Тихоновом источнике. Слева вход в церковь Живогосного

Источника, прямо, за деревом, купальня.

Кадр снят с того места, где набирают целебную воду

Место, конечно, чудесное. Там ангелы Мамрейской дубравы, явившись из полуденного зноя, возвестили Аврааму, что через год у него родится Исаак. И там же, в пещере Махпеле, напротив священной рощи Мамре, лежат Авраам, Исаак, Иаков – патриархальная троица. Формула упокоения патриархов в пещере Махпеле звучит так: такой-то приложился к народу своему. В Библии это сказано даже об Аврааме, который был первым (если не считать Сарры) евреем, похоро-

ненным в Махпеле. То, что Авраам приложился к еще фактически не существующему, но уже мертвому народу, означает, что этот народ – не конкретные люди. Это – нечто существующее до и помимо конкретных людей (не масса, а нуминоз, как я уже здесь⁶² объяснял), мистическая сущность народа, каковой сущностью и является бог Авраама, Исаака и Иакова, витающий над местом силы Мамре.

Вообще-то таких дубрав в Ханаанской земле было много: у каждого Лота и Мелхиседека – своя. Но пророки еврейского бога их порубили, поскольку там кадили богам хоть и очень похожим на бога Авраама, но – не ему. Через века дошла очередь и до священных дубрав в других частях мира. Аврамический дух дубравы Мамре для своей экспансии создал два инструмента – христианство и ислам. Ловкий ход. Теперь полномочный представитель Авраама контролирует меня, когда я иду общаться со своими богами. Это вроде как Билл Гейтс пытается навязать мне свое программное обеспечение и получить с меня деньги. Но я, во-первых, выбираю только то, что мне нужно, а во-вторых, никогда не плачу уважаемому Биллу.

---

⁶² См. Том Второй, главу «Шестидесятое – Шамордино».

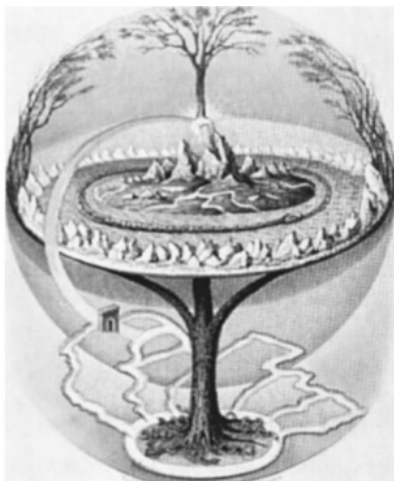
Снимок Тихонова места силы из космоса: русла рек образуют причудливую конфигурацию, что-то вроде мешка, жерло которого – между Дворцами и Лев-Толстым

Великие преимущества авраимических религий прекрасно известны. Бог в них сконструирован так, что, будучи един, служит объединителем масс, которые, из страха иудейска, должны беспрекословно повиноваться. Очень удобно для руководителей. Потому-то еврейский бог так популярен в этой среде и всячески насаждается сверху. Нам, например,

объясняют, что та же Ветхозаветная Троица (икона) выражает собою единство, к которому должна была стремиться раздробленная Русь для того, чтобы сбросить с себя татаро-монгольское иго. Иначе говоря: эта икона выражает стремление московских великих князей к господству над Русской равниной. И тут опять начинается двусмыслица двоеверия. Потому, что Русская равнина является естественной средой обитания русского бога, который, конечно, большой пофигист и с циничным прищуром наблюдает за тем, как в его вотчине суетятся поклонники Ягве, заставляя русских людей молиться локальному духу дубравы Момре, но – он, русский бог, в любой момент кому угодно может устроить Содом и Гоморру. Бывало, устраивал, лил христианскую кровь. Мусульманскую – тоже.

Вот, например, как он показал себя во время Великого Стояния в месте силы на Угре. Он сам показал или локальный дух этого места – неважно. Во всяком случае, действовал здесь русский бог, а не князь Иван III, который всегда поддерживал чуждую веру. Этот князь был, конечно, великий полководец и ловкий политик. Когда в 1480 году хан Большой Орды Ахмат, заключив союз с королем Казимиром IV Ягеллончиком, выдвинулся в сторону Москвы, Иван все предусмотрел. Нейтрализовал Казимира, натравив на него крымского хана Менгли Гирея и организовав беспорядки в Литве. Далее – направил в глубокий рейд по Волге каперский флот, начавший методично разорять беззащитные се-

ления Ахмат-хана, точно маневрируя на Оке, заставил Ахмата сместиться к устью Угры, заранее выстроил по ней линию обороны, которая не позволила татарам форсировать реку, подавил внутреннюю крамолу и так далее.

Древесная мистика. Слева ныне разрушенная часовня над Тихоновым дубом. Справа шаманское (оно же – мировое) древо, соединяющее три мира – подземный, земной и небесный. В данном случае это знаменитый ясьень Иггдразиль

Это – что касается военного искусства, а вот шутка русского бога: Угра в тот год замерзла уже 26 октября. Татарская конница могла атаковать прямо по льду. И, конечно, смяла бы русских, не готовых к такому повороту. Ивану при-

шлось срочно отводить войска от реки, чтобы перегруппировать их для полевого сражения. Когда татары увидели, что русские уходят, они почему-то решили, что князь задумал очередную ужасную каверзу, и побежали. Это было отлично видно с высоты Тихонова дуба. Никто никого не преследовал. Но Ахмат был вскоре убит. Победу записали на счет Владимирской Богородицы⁶³. Так смехом русских богов закончилось трехсотлетнее иго.

Тихонова пустынь, Успенский собор

Эти боги живут среди нас, но редко показывают свое на-

---

⁶³ См. Том Четвертый, главу «Сто первое – Задонск».

стоящее лицо. Русская классическая литература является сводом мифов⁶⁴ об этих богах, пробившихся сквозь кору христианства. Хрестоматийный пример из Толстого: князь Андрей Болконский попадает в зачарованный лес. Здесь лошади сразу зафыркали, и даже лакей ощутил, что попал в место силы: «Лёгко, ваше сиятельство». Только убитый европейским образованием князь еще ничего не понимает (думает, что дело только в весне), но все-таки ищет глазами именно дуб: «Да, вот он, дуб». Далее он концентрирует внимание на дубе: несколько раз оглянулся на этот дуб, как будто чего-то ждал от него. Отождествляется с ним путем медитации: мы (с дубом) знаем... «Целый новый ряд мыслей безнадежных, но грустно-приятных в связи с дубом возник в душе князя Андрея». Этот буддизм – начало прорастания дуба в душе князя. Вскоре он увидит нимфу (с характерной фамилией Ростова) и погонится за ней: «Старый дуб, весь преображенный, раскинувшись шатром сочной, темной зелени, млел». Это мир. А к началу войны дуб превратится в дубину народного гнева.

---

⁶⁴ Олег Давыдов. «Война и миръ». Текст написан для французского журнала «Синтаксис», где и был опубликован в 1990 году. Онлайн-версию см. <https://www.peremeny.ru/columns/view/366/>

Шестьдесят девятое – Дунилово-Горицы

Я отключился⁶⁵ всего, может, на пару минут и увидел себя в Лев-Толстом, где сдвинутая богомолка показывала мне феерический дуб преподобного Тихона. А очнулся от холода, когда во сне погрузился в источник. И вот передо мною долина реки Тезы (в Ивановской области). Я лежу на возвышенности, где когда-то стояла усадьба последних потомков Суздальских князей Василия и Дмитрия Горбатых. Это место сейчас не застроено и называется Поляной. Слева село Горицы – домики, кладбище и две церкви на нем: Рождества Богородицы и Вознесения. На другой стороны Тезы – многочисленные церкви села Дунилова.

Вообще-то первоначально село называлось не Дунилово, а Дубнилово. По берегам здесь рос дубовый лес. Краевед Борисов, живший в Дунилово в середине 19-го века, говорит, что еще в его время в реке находили старые дубовые кряжи, а когда-то на месте села стоял языческий идол Дубнило. На счет имени – не знаю, но нисколько не сомневаюсь в том, что на берегу Тезы между Горицами и Дуниловым должен был стоять какой-нибудь идол. Потому что место это прекрасное, сильное, и десять церквей, столпившиеся на малом про-

---

⁶⁵ См. главу «Шестьдесят восьмое – Лев-Толстое».

странстве по берегам реки, появились здесь совсем неспроста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.